

ВИКТОР АЛЕХИН

Самая большая мечта

Повести и рассказы

Виктор Алехин
Самая большая мечта

«Издательские решения»

Алехин В.

Самая большая мечта / В. Алехин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968775-3

Персонажи повестей и рассказов — обыкновенные жители России, которые борются с хамством, пошлостью, ленью и со всем тем, что мешает нам построить благополучную жизнь. По мере своих сил и возможностей они стараются сделать все для того, чтобы наша страна была сильной, независимой, процветающей. Любовь к природе, к отечеству и духовным ценностям характерны для героев повествований.

ISBN 978-5-44-968775-3

© Алехин В.

© Издательские решения

Содержание

ВИКТОР АЛЕХИН	6
САМАЯ БОЛЬШАЯ	7
РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ	7
Содержание	8
В огонь и воду	9
Выше неба	12
Юбилейный букет	15
Вторая половина	18
Урок географии	24
Только три слова	31
Загадка	34
Родная сестра	40
Лучше поздно	46
Проверено военной цензурой	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Самая большая мечта

Виктор Алехин

© Виктор Алехин, 2019

ISBN 978-5-4496-8775-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВИКТОР АЛЕХИН

САМАЯ БОЛЬШАЯ МЕЧТА

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

Содержание

Рассказы:

- В огонь и водустр. 5
- Выше небастр.9
- Юбилейный букетстр.15
- Вторая половинастр.20
- Урок географиистр.31
- До лучших временстр.39
- Только три словастр.44
- Загадкастр.49
- Родная сестра.....стр.59
- Лучше поздностр.69
- Проверено военной цензуройстр.76
- Любовь – слово божественноестр.81
- Прекрасные мечтыстр.89
- Мармеладинкастр.95
- Прекрасная идеястр.102
- Наслаждениестр.108

Повести:

- Самая большая мечта стр.113
- Темные люди стр.226

В огонь и воду

На приеме у директора автобазы было двое посетителей. Алексей ждал, когда они выйдут, чтобы зайти к начальнику по очень важному и неотложному вопросу. Ждал упорно и настойчиво, не считаясь с тем, что это дело очень утомительное. Но что делать? Сегодня заканчивался отпуск, а завтра выходить на работу. Надо во что бы то ни стало изложить начальнику свои намерения. Он ждал уже почти целый час, а посетители всё не выходили. Алексей присаживался на стул, стоявший перед кабинетом, медленно прохаживался по коридору взад и вперед, прислушивался к голосам, неясно доносившихся из кабинета. И, наконец, терпение его было вознаграждено. Дверь кабинета с мягким шорохом растворилась, и в коридор вышли сразу оба посетителя. Один постарше, высокий худощавый, лысый сразу пошел на выход, другой, рослый крепкого телосложения, осторожно закрыл дверь кабинета и как-то ненароком, случайно взглянул на Алексея, который широким торопливым шагом направился в сторону кабинета. Вышедший из кабинета посетитель посмотрел на Алексея так, как будто чего-то вспомнил, потом широко и радостно улыбнулся и пошел навстречу. Алексей тоже внимательно смотрел на него и тоже широко улыбался. Через несколько шагов их ладони сплелись в крепком рукопожатии.

– Привет, Вадим! – неподдельной радостью сияли глаза Алексея. – Я тебя сразу узнал.

– Я тебя тоже сразу узнал, – долго не отпускал Вадим руку Алексея. – Целый год прошёл с того времени, как мы с тобой впервые встретились и познакомились.

– Да, целый год, – сказал Алексей. – Я часто тебя вспоминал.

– Я тоже тебя вспоминал, – сказал Вадим, разглядывая Алексея. – И вот такая неожиданная и желанная встреча. Вот так бывает. Гора с горой, а человек с человеком... Ты здесь работаешь?

– Да, здесь.

– В каком качестве?

– Дальнобойщик.

– Я устраиваюсь к вам на работу.

– На какую?

– Я тоже дальнобойщик.

– Ты был у начальника по этому вопросу?

– Да, поэтому.

– Ну и что он сказал? Принимает?

– Принимает.

– Вот здорово, Вадим! – воскликнул Алексей и пожал ему руку. – Как здорово, что мы будем работать в одной организации.

– Мне тоже это очень приятно. Хорошо, Алексей, – вдруг засуетился Вадим. – Я сейчас бегу к главному механику. Он хочет со мной побеседовать. Мы с тобой еще не раз увидимся.

Алексей, возбужденный неожиданной и приятной встречей с Вадимом, пошёл на приём.

– Можно войти, Дмитрий Петрович? – резким движением открыл он дверь кабинета.

Начальник автобазы, мужчина средних лет, интеллигентный, вдумчивый, поправил сбившийся набок галстук, отодвинул в сторону какую-то книгу и поднял глаза на посетителя.

– Заходи, Алексей, – приветливо сказал начальник. – Я, откровенно говоря, хотел тебя видеть. Чувствую, ты хорошо отдохнул за время отпуска. Завтра поедешь в дальний путь. Очень ответственный рейс. У тебя ко мне какие-то есть вопросы? Садись, чего стоишь?

Алексей сел в кресло, стоявшее у стола начальника.

Начальник очень уважал и ценил Алексея: хороший работник, прекрасный специалист, ответственный. За годы работы зарекомендовал себя одним из лучших водителей большегрузных машин. И начальник очень уважал Алексея как специалиста и как человека.

– Я к Вам по очень важному вопросу, – сказал Алексей.

– Что за вопрос?

– Скажите, с каким напарником я завтра отправляюсь?

– Поедешь с тем парнем, с которым ездил всё последнее время. Вы уже сработались, знаете хорошо друг друга, оба вы хорошие водители, хорошо знаете свое дело.

– Вы хотите меня отправить в рейс опять с Тухляковым? – взволновано спросил Алексей.

Начальник пристально посмотрел на своего подчиненного. Он не понимал того беспокойства и разочарования, которое почувствовал в его словах.

– Ты хочешь сказать, что не желаешь ехать с Тухляковым? Так или нет?

– Совершенно верно, – решительно заявил Алексей.

– А почему, если не секрет? Я не понимаю, – с недоумением смотрел начальник на водителя.

– Понимаете, – не отступал Алексей. – Тухляков хороший водитель, дисциплинированный, ответственный, как вы говорите, как вы сказали... Всё это правильно

– Тогда почему же ты не хочешь с ним ехать? – удивился начальник. – Можешь сказать?

– Водитель он неплохой. А как человек он мне не нравится. И мне неприятно с ним работать. С ним невозможно общаться на уровне здравого смысла. Нет, Дмитрий Петрович, что угодно со мной делайте, но я не буду больше ездить с Тухляковым.

– А что ты предлагаешь? С кем хотел бы поехать?

– У вас только что на приеме был молодой человек. Его зовут Вадимом. Он мне сказал, что Вы его приняли дальнобойщиком. Он в Липецке работал. Тоже дальнобойщиком.

– Ты согласен с ним ездить на большие расстояния?

– Согласен! – торжественно произнёс Алексей и резким движением руки прочертил воздух. – Я с ним пойду в разведку, в горы, какими бы они не были высокими. Не побоюсь с ним опуститься под землю, под воду на любую глубину. Могу с ним лететь в космос, в беспредельные дали. С таким человеком можно идти, плавать лететь куда угодно. Я с ним пойду в огонь и в воду.

– Он, что, друг твоего детства, и ты знался с ним всю жизнь? – заинтересовался начальник.

– Нет, он не друг моего детства. В прошлом году мы встретились с ним впервые. В жизни. В Борисоглебске, на автовокзале. А потом ехали с ним в автобусе до Воронежа. И с тех пор я не видел его целый год. Только сегодня увидел его. Он вышел из вашего кабинета, и мы увиделись.

– За такую короткую встречу ты узнал его всего вдоль и поперёк? Сказки ты рассказываешь, Алексей.

– Нет, это не сказки, – не согласился Алексей. – Это самая настоящая быль.

– Тебе это просто так показалось.

– Нет, мне это не показалось. Это правда. Самая настоящая правда. Это замечательный, необыкновенный человек.

– Может быть, он тебя как-то околдовал, загипнотизировал?

– Нет, он не колдун и не гипнотизёр, – серьезно сказал Алексей.

Начальник задумался. Он смотрел то в окно, то на бумаги, лежавшие на столе, мимолётно взглядывая на Алексея. Он серьезно сомневался в истинности, в правдивости его рассказа. Не верил он, что за одну встречу, которая произошла только один раз в жизни, можно так узнать всю подноготную человека и так безоглядно, так безумно поверить в него. Тут пахнет каким-то волшебством, не иначе.

– Алексей, ты что-то темнишь, – не удержался начальник. – Не верится мне, что за одну встречу можно так узнать человека. Чтобы узнать человека, его характер, его душу, надо съесть с ним пуд соли. Очень мудрая половица. Проверена жизнью. Может расскажешь мне, в чём дело? То, что ты говорил, это чистая фантазия. Может правду расскажешь? Мне это очень интересно.

– Хорошо, я расскажу, – улыбался Алексей. – И вы поймёте, что это никакая не фантазия, а самая настоящая реальность. Я расскажу кратко без всяких житейских подробностей и приключений, какие были у меня в прошлом году во время отпуска. Не буду рассказывать, как я оказался в Борисоглебске. Это длинная история. Если захотите, я расскажу. В общем у меня поломалась машина. В Борисоглебске я вынужден был отдать её в ремонт. Заплатил все деньги, которые у меня были. Осталось только на автобус до Воронежа. Сажу я на остановке, в автовокзале. Хотелось есть. Ужасно как хотелось. Я не ел ничего почти двое суток. И знакомых в Борисоглебске нет, чтобы взять у них в займы. У меня голова уже начала кружиться. Неожиданно, как-то по-тихому, ко мне подсел парен. Это был Вадим. Сначала мы молчали, затем обменялись двумя-тремя незначимыми словами, потом разговорились и в конце концов познакомились. Он оказался в таком же положении, как и я, только деньги у него выкрали в поезде, когда он спал. Вытащили кошелек из сумки. Денег оставалось только на автобус до Воронежа. Он тоже ничего не брал в рот больше суток. У меня и у него не было лишних денег, чтобы зайти хотя бы в студенческую столовую, купить котлетку какую-нибудь. Незадолго до отхода автобуса мы вышли на улицу. Подошли к берёзе, которая возвышалась на углу автостанции. Остановились. Он вытащил из бакового кармана пиджака батон, разделил его пополам и обе руки протянул ко мне.

– Выбирай, друг, любую половину, – сказал он с добрейшей улыбкой.

Потом он вытащил из кармана брюк небольшую бутылочку минеральной воды. Тоже пополам. Вот такие они дела, – сказал Алексей, широко улыбаясь. – Тухляков не способен на такой поступок. Это я точно знаю, на себе испытал. Вадим замечательный человек. У него истинная правдивая душа. Это не фантазия.

Выше неба

Хозяйка небольшой цветочной фирмы Евдокия Петровна сидела в своём уютном, чистеньком, со вкусом ухоженном офисе и, сосредоточив все свои мысли на первоочередных вопросах своего бизнеса, терпеливо выискивала в интернете информацию, которая могла бы стать полезной для этой благой цели.

Ровно в десять пришла Кира, менеджер по общественным связям, цветущая незамужняя девушка, которую хозяйка фирмы уважала до глубины души, ценила за добросовестное отношение к своим служебным обязанностям и надеялась с её помощью серьёзно укрепить свой бизнес, сделать его прибыльным и поднять авторитет фирмы среди жителей микрорайона и города в целом. Она, как и всегда, сказала «Здравствуйте», подошла к четырехугольному столику, за которым всегда работала, уселась в кресло, сложила на коленях руки и с лучисто-ослепительно сияющим выражением счастья, презрев, видимо, свои обязанности менеджера, смотрела в пространство офиса, её широко мечтательно распахнутые бирюзово-синие глаза сверкали такой серебристо-хрустальной ясностью, будто в них сошелся весь свет небесного, солнечного царства, из них излучалось какое-то необыкновенное, никем пока неизведанное счастье. Казалось, она видит перед собой что-то призрачное, и всем своим существом, устремленному к этому призраку, ушла в мир грёз из самых дорогих и заветных желаний. Она сидела тихо, не шелухнувшись, как всё равно заколдованная непознанной ещё неземной силой. Сидела так тихо, будто её не было в офисе. В прежние дни она шелестела разными бумагами, постукивала клавишами ноутбука, что-то энергично записывала в тетрадь, иногда, прислонив ладонь к губам, слегка покашливала. А сейчас совершенно незаметно, что она сидит в офисе, в трёх-четырёх метрах от хозяина фирма. Можно было услышать, как летит моль. Прошло минут пятнадцать-двадцать. Кира всё молчала, млея, устремив взор в неизвестность. Евдокия Петровна вскидывала на неё незаметные, скрытые взгляды и в конце концов обнаружила здесь что-то странное, неподдающееся объяснению. Девушка сказала пока одно приветственное слово хозяйке, когда пришла на работу. И до сих пор – ни слова. Как-то неестественно. Евдокия Петровна подумала, что Кира сегодня неизвестно по каким причинам прибывает в каком-то очарованно-сказочном настроении, раньше у неё такого ни разу не замечалось. Прошло уже полчаса, как она пришла на работу. И всё время молчит, словно в рот воды набрала. И неизвестно, куда смотрит. Неизвестно, что видит. Сегодня с менеджером случилось что-то непонятное, загадочное, необъяснимое. Смотрит и смотрит в неведомую беспредельную даль, видимо, только она знает и видит, что там есть. И что она хочет увидеть там, куда был устремлён её ликующий, наслаждающийся взор? Дисциплинированная, ответственная, она всегда была сосредоточенной, собранной, деловой, очень серьёзной, никогда не улыбающейся, не проявляющей ни малейших признаков отстранённости от служебных дел, задач фирмы. А сегодня случилось прямо-таки что-то непонятное, непредвиденное. На лице Киры беспрестанно витала легкая, воздушная улыбочка, которая преображала её, освежала, и от этого она становилась просто неузнаваемой. Глаза её светились солнечной радостью, счастьем, будто только для неё одной светило и горело какое-то невиданное солнышко, закрытое облаками. Невыразимое чувство необычного играло, блистало, веселилось освобождённым от будничных дрызг и забот сладостным вдохновением, ореолом светлой и прекрасной мечты.

Евдокия Петровна изредка посматривала на неё украдкой и радовалась: фантастическая одухотворенность менеджера влияло на неё с хорошей положительной стороны. Когда у работника приподнятое настроение, он лучше работает, с полной отдачей трудится на благо фирмы. Хозяйка скромно улыбалась и помалкивала, чтобы не мешать девушке наслаждаться полётом

своей души в запредельные миры и края. Но вот Кира почесала ноготком кончик носа и опустила руку.

– Кира, – улучив удачный момент, спросила Евдокия Петровна, – ты сегодня какая-то другая. Я тебя не узнаю. Что с тобой случилось? Я тебя никогда такой раньше не видела.

– Вы заметили? – осветила Лира хозяйку фирмы ослепительной улыбкой.

– Конечно, заметила. Ты сегодня неузнаваема. Не такая, как всегда. А за последнее время я видела тебя угрюмой, невеселой, чуть ли не со слезами на глазах. Я даже думала, что у тебя случилось какое-то непоправимое горе. А сегодня тебя трудно узнать. У тебя как будто крылья выросли, которые уносят тебя неизвестно куда, куда-то в другой мир за облака, в розовые дали. Как будто, – улыбалась Евдокия Петровна, – ты шла по улице и нашла миллион рублей.

– Ой, вы знаете, – всплеснула Кира обеими руками, словно хотела поймать жар-птицу, которую увидела перед собой. – Миллион рублей – это сущая чепуха самая настоящая. Это мелочь, недостойная внимания. Так что вы не угадали, почему я сегодня такая.

– Ну тогда миллиард долларов, – продолжала шутить Евдокия Петровна.

– Это тоже мелочь, – брезгливо усмехнулась Кира.

– Ну тогда ты нашла целый триллион долларов, – хозяйка приподняла обе руки выше своей головы и подкатила глаза к потолку.

– Да нет, Евдокия Петровна, – ласково улыбалась Кира. – И триллион долларов не дал бы мне такого величественного настроения. Это всё мелочь, не стоящая медного гроша.

– Ну тогда к твоим ногам упали все драгоценности и золото мира и сказали тебе: «Бери, это всё твоё».

– Евдокия Петровна, это тоже мелочь. Зачем мне нужны все драгоценности и всё золото мира? Ерунда всё это, – вполне серьезно сказала менеджер.

– Тогда ты вознеслась прямо на небо и там нашла своё счастье? Иначе невозможно объяснить такую фантастику, которая сегодня произошла с тобой.

– Берите выше неба, Евдокия Петровна, – отшучивалась Лира.

– Выше неба только Бог, – сказала хозяйка.

– Вот это ближе к истине. Ведь есть, говорят, божественное счастье. Вот и моё счастье от Бога.

– Кирочка, ну скажи, что с тобой сегодня стряслось? – загорелась хозяйка истинно женским любопытством.

Лира перевела дух, улыбнулась.

– Никакая сказка, никакая фантастика не объяснит моего душевного состояния. Как бы это красиво не звучало, – решила Лира удовлетворить любопытство хозяйки. – Дело в том, что я люблю одного человека. Он капитан, служит сейчас в армии. Месяц назад он приезжал ко мне. Я ему тоже понравилась. Он даже признался, что любит меня. Я ему о своих чувствах ничего не сказала. Но через день он предложил мне стать его женой. Конечно, я согласилась. Вы меня понимаете хорошо.

– Конечно, Кира, я всё понимаю.

– Мы договорились в ближайшее время пожениться. Он сказал, что через месяц приедет, и мы сделаем свадьбу. Мы переписывались по интернету. Он мне почти каждый день звонил по мобильному. Я с нетерпением ждала той минуты, когда он приедет, и мы поженимся.

Я жила только одним ожиданием: когда мы с ним соединимся в одной семье. Но через некоторое время он перестал мне писать по интернету и перестал звонить по мобильному. Я подумала, что это временно. Он чем-то занят. Я надеялась, что он скоро позвонит мне и что-нибудь напишет. Я долго ждала, очень долго. Больше месяца. А мне казалось, что прошла целая вечность. А от него ни слуха, ни духа. Ко мне стали приходиться очень мрачные, страшные мысли. Мне пришла в голову мысль, что он полюбил другую, а меня разлюбил и забыл про меня. И теперь всё кончено. Прощай любовь. И вы знаете, для меня весь свет померк.

Мне стала немила жизнь. Я уже начала помышлять о том, чтобы наложить на себя руки. Хотелось наглотаться каких-нибудь таблеток и тихо умереть. Хотелось повеситься в каком-нибудь заброшенном, безлюдном сарае. Думала броситься с крыши высокого дома. Если бы вы знали, как я его люблю! – с душевным замиранием говорила Лира. – Словами мою любовь к нему невозможно выразить. Я представляла, как сильно он влюбился в другую девушку, встретился с ней, а обо мне совершенно забыл. Как это можно спокойно перенести. Всякие думы ко мне приходили. И все мрачные, чёрные. Весь белый свет мне был не мил. Вот почему вам казалось, что я на работе всё время ходила убитая, мрачная, как тень. Ничто меня не интересовало.

– Да, ты была очень грустной, немножко, как мне казалось в те дни, не в своем уме.

– И вот, представьте, – продолжала менеджер, улыбаясь, – вчера в моей жизни произошло самое настоящее чудо. Всё же есть в мире чудеса. Это даже невероятно. Я сначала не поверила тому, что произошло. Вчера, после почти полуторамесячного перерыва, я получила от него письмо по интернету. Оказывается, его рота внезапно получила секретное задание командования. Он не мог со мной и ни с кем вообще общаться по интернету. Не было условий написать обычное письмо и отправить по почте. А я в это время начинала уже с ума сходить. И если бы всё это ещё немножко продлилось, то я была бы в дурдоме или на том свете.

– Но он мог позвонить тебе по мобильному, – сказала Евдокия Петровна. – Ведь был там у них какой-то отдых.

– Во время выполнения задания они переплывали на лодке широкую реку. И у него каким-то образом из кармана выпал телефон и утонул. Поэтому он мне не мог позвонить. И он знаете, что пишет мне?

– Что?

– Пишет, что соскучился по мне и что безумно меня любит. И предложил мне быть его женой. И сказал, чтобы я немедленно сообщила ему, согласна я или не согласна.

– Ты, конечно, согласилась, – весело улыбалась хозяйка фирмы.

– Ещё бы, Евдокия Петровна! Я тут же ответила, что согласна. Мы любим друг друга. Но это ещё не всё. Я ведь сказала вам, что моё счастье выше неба. От Бога.

– Что это значит?

– Он пишет мне, что очень хочет иметь от меня ребёнка. Ребёнка от любимой девушки. А я, знаете, тоже хочу иметь ребёнка от любимого человека. Именно от него. Вот в чём смысл, результат нашей любви. Понимаете, у нас будет ребёнок! Какое счастье! Это выше неба! Это наше продолжение. А вы говорите о каких-то там миллионах, миллиардах, триллионах долларов. Всё это чепуха на постном масле. Мелочь, смех, да и только. И все драгоценности мира, всё золото мира тоже мелочь по сравнению с моим счастьем. Всё это ничто. Писк муравья. И поэтому я была сегодня такой счастливой.

– Я рада за тебя, Кира, – серьезно сказала Евдокия Петровна. – Я поздравляю тебя с твоим счастьем. Это счастье от Бога.

Юбилейный букет

Букет юбилейных роз! Огненно-красный, пышный, объемистый! Красота сказочная, потрясающая, неопишуемая. Так и кажется, что в него каким-то необъяснимым чудом переселились все мыслимые и немыслимые красоты мироздания, и этот букет превратился в символ одной великой, никогда неувядающей Красоты. Такие цветы с большим наслаждением согласилась бы держать в своих руках легендарная Фелица, которая так вдохновенно воспета в русской поэзии.

Лана, студентка университета, тоже была не против заполучить такой букет роз, но, к сожалению, она не может никого послать за ним на высокую гору, как это сделала «богоподобная царевна». Проснувшись утром, она даже не думала, не мечтала о нем. И не подозревала, что такой букет уже уготовлен для нее. Ее сокурсник Гоша, держа этот букет перед собой и, несмотря на любопытные взоры студентов, направлялся в общежитие, где жила Лана. И ему очень хотелось, чтобы она была одна: посторонние глаза и уши всегда притушевывают, приземляют очарование интимно-романтического общения с девушкой. Одним пальчиком Гоша постучал в дверь комнаты.

– Войдите! – услышал он резвый голос девушки.

Когда Гоша зашел в комнату, он с удовольствием обнаружил, что, кроме Ланы, в комнате никого нет. Лана, милая, обаятельная девушка, несмотря на ранний час и воскресный день, когда можно подольше поспать или просто понежиться в постели, уже успела привести в порядок свои пышные локоны, подкрасила реснички, губки, сменила домашний халат на привычные джинсы и рядовую кофточку. От неожиданного визита Гоши ее охватила легкая растерянность, и она не знала, что сказать и что дела.

– Здравствуй, Ланочка! – приподняв букет, Гоша с умилением смотрел на девушку.

– Здравствуй, Гоша! – смутилась сокурсница.

Лана сидела за столом, за чашечкой утреннего кофе. Бросив быстрый взгляд на благоуханные розы, она подумала, что сокурсник пришел не зря. Она встала, подошла к нему, скрестила перед грудью ладони.

– Не ожидала? – заметил Гоша ее волнение.

– Не ожидала.

– Ланочка, я поздравляю тебя с твоим днем рождения! – Немного волновался сам Гоша. – Желаю тебе океан счастья, радости, желаю, чтобы как можно скорее исполнились все твои самые сокровенные желания. И прими от меня этот скромный букет алых роз. Их здесь двадцать. Ровно столько, сколько тебе лет, – и протянул сокурснице руку с цветами.

– Спасибо тебе, Гоша, – словно розы, заалели щечки Ланы. Она, затаив дыхание, осторожно взяла букет, обхватила его обеими руками.

– Не бойся, у этих роз нет колючек, – на всякий случай сказал Гоша. – Так что твоим пальчикам ничего не угрожает.

– Откуда ты знаешь, что у меня сегодня день рождения?

– Это не имеет значения, – спокойно ответил Гоша.

– Это верно, – согласилась Лана. Она благоговейно склонила голову и прикоснулась губами к лепесткам.

– Я подбирал для тебя самые лучшие, самые красивые цветы.

– Прекрасные цветы! Нет слов, чтобы выразить их красоту. Спасибо тебе, Гоша. Большое спасибо.

– Я очень рад, что они тебе понравились.

Опустив взор, Лана некоторое время молчала, склонившись губами к лепесткам. Потом неожиданно подняла голову и продолжительным, молчаливым взглядом присмотрелась прямо

в глаза Гоше. И в этом взгляде Гоша заметил что-то грустное и взволнованное. Какое-то странное уныние охватило ее. Сияние радости, счастья в глазах, на всем лице, в улыбке, вдруг померкло, погасло, и незаметно исчезло совсем. Куда все девалось? Все изменилось до неузнаваемости в считанные мгновения. Разгоревшиеся до кумачового блеска щеки прямо на глазах Гоши поблекли и совсем обесцветились. В глазах светился какой-то неопределенный вопрос, от которого не так просто уйти. Гоше показалось, что Лана хочет узнать от него что-то важное и необходимое для нее. Она смотрела на него с таким упорством и настойчивостью, что Гоша от этого взгляда немного поежился. Никуда не денешься от этого взгляда. Яркие, солнечные губы Ланы перестали улыбаться, и сомкнулись так плотно, так горестно поджалась, будто в предчувствии большой неприятности.

– Ланочка, что с тобой? – Впал Гоша в смятение. – Ты заболела? Лана продолжала молчаливо смотреть на сокурсника, желая в его глазах что-то прочесть.

– Нет, я не заболела, – тихо промолвила Лана.

– Тогда что с тобой случилось? Тебя как будто подменили. Ты сейчас совсем не та Лана, которую я увидел, когда вошел в твою комнату.

Лана несколько секунд помолчала, подумала.

– Гоша, очень красивый букет ты мне подарил, – наконец сказала она. – Спасибо тебе большое. Но все же я немножечко огорчена и немного взволнованна. Ко мне пришло самое настоящее уныние.

– Чем ты огорчена, Ланочка? – встревожился Гоша не на шутку. – Что с тобой случилось? Я же от всей души, от всего сердца. У тебя сегодня юбилей.

– Я понимаю тебя, Гоша. – рассудительно сказала Лана, нежно прижимая букет к груди. – Но я все же немного огорчена.

– Почему ты огорчена, Лана? Объясни мне, пожалуйста. Я что-то не так сделал? И ты на меня обиделась? Скажи мне все. Я волнуюсь. Что я сделал не так, неправильно?

– Ты все сделал правильно, Гоша. Как надо.

– Но в чем же дело, Ланочка? Я ничего не понимаю, – растерянно смотрел Гоша на сокурсницу.

Лана посмотрела на цветы, тоскливо улыбнулась.

– Гоша, ты мне подарил замечательные, прекрасные цветы, – нежным тоном сказала она. – Но дело в том, что они очень дорогие.

От последних слов Гоша опешил, заморгал глазами, он не знал, что делать, не знал, что сказать. Он покрутил головой, бессмысленно оглянулся по сторонам.

– И ты поэтому омрачена, огорчена так? – с трудом выговорил Гоша эти слова.

– Отчасти и поэтому.

– А еще почему?

– Гоша, – решительно сказала Лана, – огорчена тем, что ты слишком много денег затратил на эти цветы. Тебе мало осталось на жизнь. А до стипендии еще далеко. Ты не миллионер. Твои родители, я знаю, тоже не миллионеры. Тебе надо что-то купить. Каждый день надо ходить в столовую. На все нужны деньги, – практично рассуждала Лана. – Я, если хочешь знать, заволновалась, что ты себя обделил. Ты живешь на одну стипендию. Цветы, которые ты мне подарил, красивые. Очень красивые. Но они очень дорого стоят. Цветы сейчас очень дорогие. Баснословно дорогие. Не всем они по карману. Ты сделал все хорошо. В этом смысле ты молодец. Ты настоящий рыцарь. У меня юбилей. Но цветы можно было бы купить подешевле. И все было бы хорошо. Все равно я была бы тебе очень благодарна.

Гоша внимательно выслушал Лану. Несколько мгновений он молча смотрел на нее. Потом широко, непристойно заулыбался, красноречиво показывая этим, что все опасения Ланы не имеют совершенно никаких оснований.

– Ланочка, это детский лепет, – еще непристойнее улыбался сокурсник.

– Это почему же? – удивленно вскинулись ясные глаза Ланы.

– Лана, я не покупал эти розы.

– А где ты их взял? – придирчиво спросила Лана.

– Мне дала их моя бабушка.

– Она разводит цветы?

– Да, она уже много лет занимается цветочным бизнесом. И в этих делах большой мастер. Знает толк в цветах. Каких только нет у нее цветов... – с вдохновенным чувством сказал Гоша. Он зажмурился, слегка запрокинул голову, разбросил в стороны руки, – Пионы, гладиолусы, розы, ландыши, астры. Ужасно, сколько цветов! Она за ними ухаживает, как за малыми детьми. Поливает их каждый день, разрыхляет землю, на которой они растут, подкармливает их какой-то смесью. Я в этих делах ничего не понимаю. Ее цветы идут нарасхват. Покупатели, как увидят ее за прилавком, бегут к ней сломя голову, наперегонки. И все тянут к ней руки. Выхватывают цветы чуть ли не вместе с руками, а потом они дают деньги. Когда я сказал ей, что хочу подарить своей девушке цветы, в день ее рождения, она поинтересовалась, сколько тебе лет. Я сказал, что тебе двадцать лет. Она принесла мне с участка двадцать самых красивых роз, и сказала, что это юбилейный букет. Вот и все, – широко улыбнулся Гоша.

Лена тоже улыбнулась так весело и радостно, будто не испытывала никаких огорчений и волнений. Щечки ее стали опять алыми, как розы, в глазах светилась неподдельная радость.

– Теперь я спокойнее, – радовалась она, прижимая цветы к груди и прикасаясь губами к лепесткам.

– Лана, я хочу купить билеты в кино. На сколько?

– Часов в семь.

– Хорошо.

Через полчаса, после того, как Гоша ушел, Лана отправилась в магазин за покупками. На первом этаже, возле стола вахтера, стояла комендант общежития, Татьяна Кузьминична, расторопная, властная женщина лет сорока пяти, в светло-синем служебном халате. Она работала здесь уже много лет и знала в лицо почти всех студентов.

– Лана, тебя можно на минуточку? – сказала Татьяна Кузьминична.

– Пожалуйста, – синичкой припрыгнула Лана к столу вахтера.

– Лана, у меня к тебе большая просьба.

– Какая? – улыбнулась Лана, думая о цветах, которые подарил ей Гоша.

– Понимаешь, вахтерша отошла по делам на несколько минут, и я не могу оставить это место пустым. Поднимись, пожалуйста, на четвертый этаж, в сороковую комнату. Там живет Гоша Петушков. Скажи ему, чтобы он пришел сейчас за шахматами. Он просил меня принести шахматы. Если я уйду, то пусть возьмет их у вахтерши. Они у нее в столе. Ланочка, не сочти за труд, поднимись. Я знаю, что ты очень уважительная девушка, – еле слышным голосом говорила комендантша.

– Я сейчас, – сказала Лана, и ее туфельки застучали по ступенькам лестничного марша.

Минут через пять она вернулась.

– Сказала? – поинтересовалась Татьяна Кузьминична.

– Его нет в комнате.

– Куда же он делся? – недоумевала комендантша. – Примерно час тому назад он занял у меня деньги. До стипендии. Надо подарить девушке цветы в день рождения. А полчаса назад он уже пришел с большим букетом роз. Красивые цветы. Прямо-таки как жар-птица букет. Ну ладно, Лана. Спасибо тебе большое.

– Не за что, – сказала Лана и вышла из общежития.

Вторая половина

Свою главную жизненную цель молодой и удачливый бизнесмен Кулькин реализовал, как говорится, по полной программе. Были острые подводные камни, рифы, тысячи непредсказуемых, больших и малых, всевозможных уровней сложности, препятствий. Но все это осталось позади, кануло в Лету. Он сколотил неплохой капитал, и теперь свысока поплеывал на все и вся, вошел в русло относительно спокойной жизни, не опасаясь никаких потенциальных конкурентов и мелких завистников. Теперь он поставил перед собой другую, не менее важную цель, не менее серьезную и не менее простую цель. Кулькин решил жениться. Пришла пора обзавестись своей второй половиной. Не к лицу вести бобыльную жизнь в тридцать с лишним лет. Школьные друзья давно уже все переженались, обзавелись детьми. А некоторые женились по два, а то и три раза. Многие пустились в бега, многочисленные разъезды, поездки за бугор, чтобы скрыться от алиментов. Время летит с баснословной скоростью. Пора подумать о наследниках, дабы нажитые капиталы в виде финансов, недвижимости не обратились в прах, и не были бы развеяны по ветру. Предприимчивый бизнесмен с неукротимой энергией и активностью взялся за реализацию очередной судьбоносной задачи. Упорная борьба за прочное и теплое местечко в рыночном мире не оставляла ему ни минуты, ни секунды времени для обдумывания чрезмерно запутанных вопросов о том, что такое любовь и женский характер. Поэтому план его был прост до гениальности. Его будущая вторая половина в обязательном порядке должна иметь высшее образование и, конечно же, должна быть привлекательной, обаятельной, интеллигентной, одним словом, такая, чтобы с ней не стыдно было показаться в гостях, на всевозможных презентациях, корпоративах, в салонах миллионеров и миллиардеров.

Со студенткой Эльвирой Кулькин познакомился в ночном клубе, куда оба пошли повеселиться, расслабиться, а при возможности завязать знакомство с нужными и желаемыми людьми. Во время медленных и спокойных танцев, которых в ночных клубах не густо, приятно и мило поговорить. Кулькин заказал столик, шампанское, коньяк и на подружек, которые пришли с Эльвирой. Как и положено мужчинам, разлил шампанское и провозгласил пламенный тост за любовь и даже за красоту души и мир во всем мире. Начались веселенькие разговоры обо всем на свете и в то же время ни о чем. Крутой, хитрый бизнесмен все время неослабно и конспиративно присматривался к Эльвире на предмет ее пригодности в качестве его второй половины. Она, конечно, не Джина Лоллобриджида и не Софи Лорен, не расписная красавица из числа девушек, которые побеждают на мировых конкурсах красоты, но тем не менее, очень милая, умная, общительная и находчивая, то есть, она наделена всеми признаками, которые он высоко ценил. Она умела поддержать беседу практически на любую тему и, к тому же, скоро получит диплом об окончании университета. Именно такой он представлял в своем воображении свою будущую вторую половину. И Кулькин принял решение действовать смело, решительно, а если потребуется, идти к своей цели даже напролом. В бизнесе, как правило, все решает быстрота, натиск, смекалка, изворотливость, хитрость. При помощи таких качеств он не раз завоевывал выгодные позиции в рыночном, бессердечном мире, эффективно отстаивал свои интересы, выгодные сделки, и большей частью выходил победителем. Девушки и женщины, насколько ему было известно, любят активных, смелых, энергичных мужчин. Именно такие мужчины пользуются большим успехом в нынешнем мире. Все как в бизнесе. Так в чем же дело? Лохам и нытикам там нечего делать. И он вполне серьезно решил, что нашел простой и верный способ быстро, оперативно завоевать сердце Эльвиры.

На следующий день состоялось первое свидание. Они медленно шли по аллее городского парка и тихо беседовали. Эльвира заканчивала факультет психологии, и Кулькин делал небезуспешные попытки моментально учесть данное обстоятельство и показать девушке, что и он

в области этой науки не лыком шит. Он радовался, как ребенок, когда замечал, с какой заинтересованностью она выслушивает его соображения из области психологии. Хорошая девушка, что там говорить и думать. Надо срочно, обязательно завоевать ее сердце. И здесь медлить нельзя. Кто медлит, то наверняка проигрывает. Во всех судьбоносных делах нужно брать быка за рога. Девушка, что надо. Это именно его половина, а не чья-нибудь. Выждал момент, когда нарушит кратковременное молчание, он начал действовать.

– Эльвира, – пронизательно посмотрел бизнесмен на девушку.

– Что? – нежным голосом отозвалась Эльвира.

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

– Женой? – удивилась девушка.

– Да, женой! – торжественно заявил Кулькин.

– Понимаешь, – слегка растерялась Эльвира, – я не ожидала от тебя такого предложения.

– Я тебе предлагаю свою руку и свое сердце.

– Слишком уж неожиданное предложение.

– Почему? – дрогнуло сердце бизнесмена.

– Видишь ли, – спокойно рассуждала девушка, – для того, чтобы сделать такое предложение, такое ответственное и серьезное, надо сначала полюбить девушку. Это главное. Без любви, как я считаю, невозможно жениться. Поэтому я не могу ответить тебе ничего определенного. Получается как-то не так.

– Эльвира, я люблю тебя! – со страстью сказал Кулькин.

– Как ты мог полюбить меня, если мы с тобой почти не знакомы? Только вчера познакомились. И вообще, мы не знаем друг друга. Как можно полюбить девушку за такой короткий промежуток времени? – недоумевала Эльвира. – Я не знаю.

– Я полюбил тебя вчера, в ночном клубе. Ведь есть любовь с первого взгляда, – не растерялся Кулькин, – И почему с моей стороны невозможна такая любовь?

– Мне не так просто поверить тебе, что ты полюбил меня с первого взгляда. У меня есть по этому поводу большие сомнения.

– Эльвира, я тебя люблю! – не отступал Кулькин. – Я за тебя готов в огонь и в воду. Поверь мне. Прошу тебя. Я просто без ума от твоей красоты, – вспомнил Кулькин, что все девушки любят напористых, энергичных мужчин. Здесь все, как в бизнесе: нужна быстрота, натиск, смекалка.

Эльвира искоса взглянула на него продолжительным, осторожно-продолжительным взглядом. В ее лазурных глазах не были ни капли восторга, восхищения от его нежных и трепетных слов. Ей казалось, что она слышит какую-то странную сказку, которая никогда не кончается.

– Все получается, как в кино, – загадочно усмехнулась она. – Любовь с первого взгляда и прямо сразу жениться. А через неделю, в крайнем случае, через месяц – развод. Кто куда. И никакой любви. Дело в том, что я вообще скептически отношусь к скоропалительным бракам. В них нет ничего хорошего, путного. За редким, конечно, исключением, – рассуждала так Эльвира с глубокомысленной задумчивостью. – Из тысячи, может быть, один брак. Поэтому я ничего определенного, конкретного не могу тебе ответить на твое предложение. Как-то все получается необдуманно. Я хочу иметь прочную, крепкую семью. Не желаю развода ни в ближайшей, ни в дальней перспективе.

– Эльвира, – стучал Кулькин кулаками по своей широкой груди, – я тоже хочу иметь хорошую, крепкую семью, где все отношения строятся исключительно на любви, на взаимном уважении супругов, на полном обоюдном доверии. Мы с тобой единомышленники в этих вопросах. Наши взгляды полностью совпадают уже сейчас. Я тебя безумно люблю. И развода у нас никогда не будет: я обещаю тебе. Я тебе клянусь в этом. Поверь мне, Эльвира!

Кулькин невольно вспомнил свои коммерческие операции с недвижимостью и с дорогими видами собственности. Он никогда не возлагал надежды на слепой случай. Он каждый раз обмозговывал, просчитывал всевозможные и невозможные последствия различных сделок, договоренностей строками на опасном, скользком, непредсказуемом поле бизнеса. Но в бизнесе нужен не только холодный, бесстрашный расчет. Здесь никак не обойтись без сильного чувства уверенности в своих силах. Без чувства беспредельной веры в правильность способа достижения поставленной цели и в конечном итоге – веры в успех. А если отступные по каким-либо причинам, по только временно, только для того, чтобы снова перейти в наступление с удвоенной, с утроенной силой, энергией и решимостью. И во время прогулки с Эльвирой он думал, что в завоевании сердца девушки и в женитьбе на ней необходимо проявить максимум решительности, наступательности в прочной связи с чувством уверенности в успехе. Эта задача нелегкая... Все как в бизнесе. Сердце девушки надо завоевывать штурмом, приступом, смелостью.

– Эльвира, я все обдумал, – твердо заявил он. – Я не принимаю никогда необдуманных решений. Я люблю тебя. И если ты выйдешь за меня замуж, то наш брак будет прочным, как камень, будет счастливым и красивым. Я отвечаю за каждое слово своей честью. Своей рыцарской честью! Я люблю тебя. Поверь мне. И очень прошу тебя стать моей женой. Кроме тебя, я больше никого не смогу полюбить. Моя любовь к тебе – это рыцарская любовь, а не какая-нибудь там плебейская, деревенская. Поверь мне, – воспылал он неумемной жадой жениться на Эльвире.

Эльвира снова метнула на своего потенциального муженька испытующий, полный сомнения, взгляд. Она поняла, что Кулькин имеет серьезные намерения жениться на ней. И ему надо что-то ответить. Парень он неплохой, умный, деятельный. И, возможно, что и брак между ними может получиться очень счастливым. В жизни ведь все возможно. И ей не очень-то хотелось ему отказывать окончательно и бесповоротно, раз и навсегда. А вдруг упустит свое женское счастье. И в то же время назойливые сомнения мучили ее мысли и душу. Разум и чувства разделились. Ей было непросто согласиться прямо сейчас стать его женой. Она знает этого человека только один сутки. Да и то, вряд ли... Что у него за душой, на уме, чем живет, чем дышит, о чем мечтает, какие у него планы на будущее? Эльвира ничего об этом не знала. И в итоге получается, что Кулькин для нее – это самый настоящий кот в мешке. Человек – очень сложное существо. Эту фразу профессора психологии она запомнила навсегда. Она стала служить ей в особо сложных и запутанных обстоятельствах. Она опять испытующе взглянула на бизнесмена и что-то хитрое порхнуло на ее ярком, интересном лице.

– Мне очень трудно ответить тебе что-либо определенное, – сказала она, когда они дошли до конца аллеи и повернули в обратную сторону. – Если бы мне было шестнадцать или семнадцать лет, я, может быть, и поверила бы твоим заверениям о любви ко мне. Но мне не шестнадцать лет. Я предлагаю отложить этот вопрос до лучших времен.

– Эльвира, я не могу жить без тебя ни одной минуты, ни одной секунды! – с пылкостью Ромео воскликнул Кулькин. – Я люблю тебя! Я докажу тебе, что люблю тебя больше жизни!

– Как же можно доказать это? – удивлялась Эльвира.

– Я хочу видеть тебя своей женой. Разве это не аргумент?

– Нет, это не аргумент, – равнодушно ответила Эльвира. – Во всяком случае, очень слабый аргумент.

– Если ты пожелаешь, я влезу на самую высокую колокольню и ради тебя прыгну с нее на землю. Прямо к твоим ногам. Это, по-твоему, тоже не аргумент.

– Тоже не аргумент, – улыбнулась Эльвира. – Это детский лепет. Такие вещи могут говорить пятнадцатилетние мальчишки, несмышленные и наивные.

– Хочешь, я крикну сейчас на весь мир, что люблю тебя?

– Зачем? – холодно спросила Эльвира.

– Чтобы все люди слышали, что я тебя очень сильно люблю.

– Это глупости.

Кулькин замолчал, придумывая, что еще можно сказать, чтобы убедить девушку в своей вечной любви. Он смотрел вдаль, на небо, на макушки высоких остроконечных тополей, на все, что попадалось ему на глаза. Но ничего хорошего придумать так и не смог.

– Эльвира, скажи мне, что я должен сделать, чтобы ты мне поверила, что я люблю тебя больше жизни? Ты для меня самое дорогое, сокровенное. И я не шучу. Я отвечаю за каждое свое слово своей совестью, своей честью, своей рыцарской честью, если хочешь знать. Я на все соглашусь, что ты предложишь. Даже ценой своей смерти. Но зато ты будешь знать, что я тебя люблю больше жизни. Скажи мне, что я должен сделать?

– Я не знаю, – с полным безразличием сказала Эльвира и, прикрыв свои маленькие губки кончиками своих пальчиков, аппетитно зевнула.

– А ты подумай, – предложил Кулькин.

Эльвира снова вспомнила профессора психологии, который считается в научном мире специалистом в этой науке. Профессор говорил, что в душе каждого человека живет нечто такое, без чего ни один человек не мыслит своего нормального человеческого существования. Это есть какая-то непреходящая для него ценность. И эту ценность каждый человек не может ничем заменить. Отними у него эту ценность – и вся жизнь его пойдет кувырком, под откос. Без нее невозможна никакая жизнь. Эта ценность придает человеку силы, уверенность, необходимую энергию духу и телу. Без нее вся жизнь превращается в полнейшую бессмыслицу. Вот, почему каждый человек отчаянно борется за нее. Не на жизнь, а на смерть. Может отдать за нее свою жизнь, без всяких колебаний, без промедлений. Такие ценности могут быть очень многообразными. Для одного – это женщины, ночные клубы, для других – приключения, путешествия, для многих – деньги, всякая недвижимость и прочее.

Эльвира украдкой взглянула на своего спутника и задумалась. А что же для него является самой высокой жизненной ценностью? Без чего его жизнь может лишиться всякого разумного смысла?

– Ты выполнишь, что я скажу? – спросила она с кроткой осторожностью.

– Эльвира! – еще сильнее он запыхал минующей страстью. – Я готов выполнить любое твое требование. Беспрекословно! Сиюминутно! Безоговорочно! Я отдам за тебя свою жизнь! – с безумной радостью выкрикивал Кулькин эти слова, будто жар-птица, которую он хотел поймать, оказалась уже в его руках. – Я тебе уже говорил об этом. Это не пустые слова. Поверь мне! – умоляющими глазами смотрел он на девушку. – Только скажи, просто намекни – и я все выполню, ради любви к тебе. Я тебя люблю больше, чем собственную жизнь. Это не пустые слова. Эльвира, я рыцарь без страха и упрека!

– Мне очень хочется, чтобы ты доказал свою любовь ко мне. А не словами.

– Я докажу, Эльвира. Только скажи, – бил Кулькин себя в грудь руками. – Что я должен сделать?

– Придумала.

– Наконец-то! Скорее говори! Я хочу, чтобы ты была моей женой.

– Я обязательно стану твоей женой, если ты докажешь, что любишь меня, как рыцарь без страха и упрека.

– Говори быстрее! Я стораю от нетерпения! Говори свое условие.

– Вчера в ночном клубе ты сказал мне потихоньку, что в банке на твоём счету, если я правильно поняла, двадцать пять миллионов рублей. Я не ошиблась.

– Правильно, двадцать пять! – самовлюблено уточнил влюбленный антропос – Что я должен делать, Эльвира? Я люблю тебя больше жизни, – штурмовал он сердце девушки. – Твои слова для меня – закон, который я выполню беспрекословно.

– Ты это серьезно говоришь? – упорно смотрела Эльвира в глаза Кулькина. – Не испугаешься?

– Эльвира, без тебя у меня не будет никакой жизни. Ты для меня – все! Ты моя вторая половина. Я ничего не боюсь. Если ты мне скажешь переплыть Нил, который кишит крокодилами, я не моргну ни одним глазом и переплаву его.

– Тогда слушай меня внимательно, – сказала Эльвира предельно тихим голосом.

– Я слушаю.

– Сними со счета все свои двадцать пять миллионов рублей. И заверни их в пакет.

– Так, взять деньги. Все, сколько есть у меня?

– Да, до единого рублика, – бесстрастно сказала Эльвира.

Кулькин моментально посерьезнел и побледнел. Его поэтический пыл угас, потускнел, он сразу приуныл, осунулся и немного подрастерялся.

– Деньги я должен отдать тебе? – спросил он ослабевшим голосом.

– Не любишь меня?

– Люблю.

– Больше, чем свою жизнь? – с деспотической строгостью спросила Эльвира.

– Я никогда не отказываюсь от своих слов. Что я должен делать с деньгами?

– Слушай.

– Я слушаю.

– Мы приходили с тобой в один укромный уголок в парке, где нет ни одной души. Ты разводишь маленький костерок и кладешь все деньги в огонь. Ты должен превратить все свои капиталы в пух и прах. Тогда я поверю, что ты рыцарь и что преданно меня любишь. И я сразу соглашусь быть твоей верной женой, которой ты будешь гордиться. Вот и все. Ты сказал, что мое слово для тебя – закон. Давай, выполняй закон, – без всяких шуточек сказала Эльвира.

Кулькин сгорбился, пригнул голову. Он почувствовал, что за спиной стоит киллер и целится прямо ему в затылок. В глазах преуспевающего миллионера потемнело, зарябило, земля под ним закончилась, солнце перестало светить. Кулькин мысленно уже прощался с жизнью. Он со страхом ожидал выстрела, который должен был прогреметь с секунды на секунду. Но прошло очень много секунд, а выстрел так и не прозвучал. И он понял, что его внезапно схватил суеверный пещерный страх. Он немножечко ожил, пришел в себя.

– Эльвира, но это невозможно, – предсмертным стоном прозвучал его убитый голос. – Это условие слишком легкомысленное. Если я сожгу все деньги, то мы станем с тобой нищими людьми. Ну подумай сама – как мы с тобой будем жить без денег? Это же полный абсурд. Подумай получше. Мне кажется, что ты слишком поторопилась со своим условием. Придумай что-нибудь другое. У нас с тобой не будет хорошего жилья. Нам придется жить в некомфортабельной квартире. Неужели тебе это понравится? Я хочу построить прекрасный коттедж с просторными комнатами, с сауной, разумеется, одним словом, со всеми европейскими удобствами. Ты достойна этого. Но тогда нам придется жить в шалаше.

– С любимой и в шалаше – рай, – весело улыбнулась Эльвира. – Выбирай одной из двух: или деньги, или меня. Среднего, как видишь, нет и не может быть, – предъявила она жесткий ультиматум.

– Это невозможно, Эльвира, – затрясся Кулькин всем своим упитанным телом. – Это абсурд! Ты понимаешь? Я предлагаю немного повременить. Я завтра уезжаю в командировку по делам бизнеса. На два дня. Приеду, и мы еще потолкуем об этом. За это время ты как следует подумаешь. Все взвесишь спокойно. Ведь глупо спалить деньги. Поверь. Люди подумают, что мы с тобой с ума посходили.

– Ну и пусть подумают. Ты боишься людей? Рыцари никого и ничего не боятся.

– Да дело не в этом, – умирающим голосом промолвил Кулькин. – Давай после командировки поговорим. Договорились?

– Нет, не договорились! – оставалась непримиримой Эльвира. – Или сейчас, или никогда!

– Это просто глупо, Эльвира, – растерянно смотрел Кулькин на девушку.

– Да я пошутила, – солнечно улыбнулась Эльвира, окрылив миллионера радостной надеждой.

– Ну конечно же, пошутила! – расправил плечи Кулькин. – Я так и подумал. Я тебя за это еще больше полюбил. Ты прекрасная девушка. Моя вторая половина.

– Но я пошутила не в том смысле, в котором тебе показалось.

– А в каком же? – выкатил Кулькин глаза.

– Представь себе такую сцену. Ты приносишь деньги для сжигания, кладешь пакет в определенное место и поджигаешь его. Деньги начинают гореть. И ты спокойно наблюдаешь, как твои капиталы превращаются в дым и пепел. Пакет горит. Огонь уже подступает к деньгам. И как раз в этот момент я быстро бы загасила разрастающееся пламя, чтобы спасти деньги. Не такая я дура, чтобы сжигать деньги. Да еще и такие большие. Теперь ты понял, в каком смысле я пошутила. Я решила по всей строгости проверить тебя. Твою пылкую любовь ко мне, – с язвительной насмешкой говорила Эльвира. – Ты не выдержал испытания.

– Эльвира, давай встретимся с тобой после моей командировки. Я уверен, что ты забудешь о своей шутке. Шутки давай отставим в сторонку. Договорились?

– Нет, мы с тобой ни о чем не договоримся. Я для тебя дешевле денег, – презрительно засверкали ясные глаза девушки. – Я уважаю мужчин, которые ради женщины могут пойти на любые жертвы. Ради любимой женщины. Все, что ты говорил мне – это всего лишь пустые слова. Ты не рыцарь и никогда им не станешь.

– Слишком жестокую шутку ты придумала, – угрюмо произнес Кулькин.

– Может быть.

Эльвира резко развернулась, и, не сказав больше ни слова, ушла. Каблучки ее туфелек дробно стучали по асфальту.

Урок географии

В полдень разыгралась страшная, свирепая буря. Артиллерийской канонадой загрели, загудели железные крыши домов, взлохмаченными гривами несущихся по прериям диких мустангов, гнулись к земле ветви деревьев, где-то, будто израненный выстрел, хлопнула калитка, кругом всё завертелось задрожало, запрыгало, и можно было подумать, что наконец наступил конец света. В мгновение ока всё небо, от горизонта до горизонта, затянулось непроницаемой толщей черных и мрачных облаков, несущихся неизвестно куда с ошалелой скоростью. Солнце пропало, стало темно, как в пещере питекантропа.

Дворовые псы, жалобно скуля и в испуге поджав хвосты, разбежались по своим конурам, в палисадниках, рощах затихла неугомонная воробьиная симфония, синички бесшумно юркнули в непролазные сиреневые заросли. Всё ползающее, летающее, прыгающее забилося в глубокие щели, трещины, притаились на чердаках, в подвалах, под камнями, в болотных камышах, в оврагах. На улицах не осталось ни одной живой души. богомольные старушки, припав на колени перед образами, усердно молились, с опаской поглядывая в окна на страсть господнюю. Из всего поселка непогоде радовался один только Коля Катушкин. Он пришёл из школы, пообедал, хорошо оделся, чтобы не продрогнуть на пронзительном октябрьском ветру и, ничего не сказав бабушке, незаметно выскользнул из дома и скрылся в известном одному ему направлении. Маленькая речушка, которую дальние предки почему-то назвали Битюгом, голубым полукольцом опоясывала его родную неказистый деревушку. В этом как раз вместе она расширялась и принимало форму озеро подобной чаши с отвесным правым берегом и становилась глубокой. А в одном месте берег сильно возвышался и потом отвесно падал к реке. Местные мальчишки окрестили это место котлом. И оно действительно было похоже на громадный котел, в котором вода бурлила, крутилась юлой, пенилась, соскальзывала в глубину и вновь поднималась на поверхность и крутящимися волчками уходила вдаль.

Коля вприпрыжку спустился по крутой извилистой тропинке к реке, по которой катились высокие волны с пенистыми гребешками.

Их шум, сливаясь со звериным воем и свистом ураганного ветра, почти совсем заглушал гул высоко летящего реактивного самолета. Бегущие одна за другой волны со змеиным шипением накатывались на береговую песчаную гладь и, смачно обливав ее, бесследно скатывались обратно в свое извечное лоно и, казалось, что этому не будет конца.

Коля во все глаза смотрел на эту романтику, и от ее величественности и торжественности у него захватывала дух. Хотя было немного страшновато. Но он напрягал всю свою детскую волю, всю смелость и старался не думать об этом плохом чувстве, которое приходит только к трусам. Ветер сбивал его с ног, парусом раздувая его куртку, вихрем крутился в широких резиновых сапогах, а новенькую спортивную шапочку пришлось сильно натянуть на уши. Чтобы она не улетела невесть куда. Щурясь от бьющего в лицо ветра, он внимательно вглядывался в одну точку – на самый высокий выступ берега, но который метров на двадцать вклинивался в реку. До него было метров сто. В воображении шестиклассника он рисовался гранитной непреступной скалой, грозно возвышающейся над берегом. И Коля избрал его конечной целью своего путешествия. Размашисто шагая по берегу, он подошел к маленькой утлой плоскодонке, снял цепь с прикола с легкостью кузнечика прыгнул в неё оттолкнулся веслом, проворно уселся на корму и поплыл навстречу волнам и ветру. Холодные брызги, словно бы хлестали щёки, глаза, губы, мешая плыть по намеченному курсу. Вода с хлюпаньем и уханьем разбивалась приподнятый нос лодки, перескакивая через борта, и перекачиваясь, переливаясь по дну лодки из стороны в сторону, стала потихоньку подкрадываться к сапогам Коли. Он то и дело перебрасывал весло с одного бока лодки на другой, изо всех сил стараясь пересилить напор разбу-

шевавшейся стихии. Устремляясь вперед, Коля случайно повернул голову в сторону крутого берега. Там, на краю обрыва, нависшего над водой, стоял человек в длинном плаще. Коля сразу его узнал. Это был учитель географии Вячеслав Петрович. Если бы ветер не трепал полы его плаща, то учителя можно было бы принять за монумент: с такой неподвижной окаменелостью он стоял на самом краю обрыва. Коля даже подумал, что Вячеслав Петрович в такой позе очень похож на каменное изваяние Витуса Беринга, о котором он недавно рассказывал ученикам на уроке географии. Краем глаза Коля заметил, что учитель пристально всматривался к нему. Он даже сдвинулся со своего места и потихоньку пошел по берегу, всё время держась наравне с лодкой. Пройдя так несколько десятков метров, он спустился по пологому участку берега, прямо к воде и рупором приставил ладони к губам.

– Коля! Катушкин! – громко кричал Вячеслав Петрович, стараясь перекричать шум ветра и волн. – Немедленно вернись! Лодка может перевернуться!

– Я хорошо умею плавать! – энергично работая веслами, крикнул Коля.

– Ты можешь простудиться и заболеть!

– Все равно не вернусь!

– Куда ты поплывешь, Коля?

– Вон к той скале! – указал Коля на выступ.

– Это не скала! Это глина! У нас нет никаких скал.

– Ну и пусть, что нет!

– Вернись, Коля! – не отрывая ладоней от губ, надрывал Вячеслав Петрович горло и легкие. – Смотри, какие волны! Лодка может перевернуться!

– А как же Витус Беринг?! Он не в такую погоду плавал!

– Какой тебе еще Витус Беринг! – символично сердился учитель.

– О котором вы недавно рассказывали нам на уроке географии!

– Хорошо, но зачем плыть до этого чертового выступа? Проплыл немного и хватит. Молодец, что не струсил. А теперь возвращайся.

– Витус Беринг не возвращался с полпути! И я тоже не хочу возвращаться, пока не доплыву до цели.

– Но у Витуса Беринга был громадный корабль! А у тебя маленькая лодка! Возвращайся, Коля, пока твоя лодка не перевернулась. Смотри какие волны. Громадные, злые.

– Всё равно не вернусь! – не сдавался Коля.

Вячеслав Петрович вспомнил один недавний случай в школе. На большой перемене ребята затеяли игру в прятки. Коля умудрился забраться в поднятый на предельную высоту ковш экскаватора, приехавшего копать какую-то траншею. Ребята искали его повсюду и не нашли. После Вячеслав Петрович, как классный руководитель, провел с ним очень серьезную воспитательную беседу.

– Ты понимаешь, – сказал он Коле, – что за эту свою дурацкую затею ты мог бы заплатить жизнью? Почему другие ребята не полезли в этот чертовский ковш? А ты полез.

– Потому что они боятся туда лезть, спокойно ответил пацан.

– А ты не боишься?

– А я не боюсь. Я вообще ничего не боюсь.

«Такой он вот, этот Коля Катушкин», – думал учитель. Ясно, что он не вернется, пока не доплывёт до этой дурацкой скалы. Если задумал что сделать, хоть убей его, – сделает. И Вячеслав Петрович решил идти вдоль берега вровень с лодкой. На всякий случай. Нельзя оставлять одного шестиклассника среди высоких волн, перед которыми маленькая лодка кажется просто бессильной щепкой. Но Коля азартно работал веслом и преодолевал напор ветра и волн, продвигаясь вперед. Настойчивый парень. Ничего не скажешь. Побольше бы было таких ребят. Смелые люди нужны везде. Без них жизнь замирает, становится пресной, скучной, затхлой. Коля, наверное, принадлежит к той плеяде несовершеннолетних мальчиков, которым

в будущем суждено стать видными людьми России. Вячеслав Петрович размышлял обо всем этом, а сам ни на секунду не выпускал из поля зрения Колю с его маленькой лодкой. До цели еще метров пятьдесят. А ураган всё не стихает. Волны не становятся меньше и слабее. И он видит, как они не милосердно захлестывают лодочку с обеих сторон и самого путешественника. И учитель готовился к наихудшему варианту. Не дай Бог лодка перевернется. Учитель не игнорировал такого варианта развития событий. Беду никто не ждёт. Она приходит сама. Ни у кого не спрашивается. И он готовился к худшему варианту. Служба в военно-морском флоте научила его быть готовым к любым испытаниям. И сейчас в случае непредвиденной ситуации, он готов был оказать Коле такую помощь, которая потребуется. Всю одежду, до трусов и майки, он снимет с себя за несколько секунд и ринется в холодную воду спасать маленького, но неустрашимого смельчака. Вячеслав Петрович медленно шагал за лодкой и мысленно готовился при необходимости броситься в холодную воду.

А Коля, презрев ураган и волны, упорно продвигался к намеченной цели, которой являлся глиняный выступ, представляющийся в воображении шестиклассника чуть ли не гранитной скалой.

Вячеслав Петрович больше ему ничего не говорил, не советовал и не призывал вернуться. Это бесполезно. Учитель шел молча. Коля не догадывался, что учитель намерен подстраховать его в случае неприятности. Сам Коля, разумеется, не думал, ни о какой опасности. Он был уверен, что всё получится благополучно. Надо только нажимать на весло. И он нажимал, выжимая из себя последние силёнки. До цели оставалось еще немного. Воображаемая скала уже не казалась такой маленькой, какой виделась издали. Её темная и мрачная громада постепенно как бы надвигалась на Колю и лодку. Коля уже смотрел на неё снизу вверх, и сейчас, когда он вспомнил слова учителя географии о том, что этот выступ глиняный, а не гранитный, он вопреки всему, считал, что перед ним не глина, а самая настоящая, гранитная скала, о которую может разбиться вдребезги любой океанский корабль. И на какое-то время почувствовал себя отважным мореплавателем. Недаром он любил смотреть на физическую карту частей света.

Большой глобус, стоявший в кабинете географии, пробуждал в его мальчишеском воображении немало романтических и дерзких желаний. В мыслях он путешествовал по Амазонке и Нилу, по Кордильерами и Гималаям. Но больше всего он любил моря и океаны, окрашенные в светло-голубые тона. На голубых пространствах глобуса он видел глубокие впадины, океанские бушующие волны с грохотом разбивающиеся о непреступные гранитные утесы. На дне в воображении вырисовывались аморфные контуры давно утонувших и затянутых илом кораблей, на которых когда-то плыли пираты торговцы, военные моряки и просто искатели приключений.

Коля любил книги о морских приключениях, а совсем недавно, после того, как Вячеслав Петрович рассказал на уроке о Витусе Беринге, взял в школьной библиотеке книжку об этом знаменитом мореплавателе. И с тех пор берет книжки только об иностранных и русских мореплавателях.

Коля подплыл к глиняному выступу, а в его воображении – к гранитному утесу, – и ухватился одной рукой за длинные стебли камыша. Лодка болталась, подпрыгивала на волнах, как еще неокрепший утенок. До берега было метров десять. С минуты Коля отдыхал: слишком устали руки. Он положил весло на дно лодки и продолжал держаться за камыши.

– Ну, что, Витус Беринг, доплыл до гранитного утеса? – услышал он крепкий баритон Вячеслава Петровича.

Коля очень удивился тому, что учитель географии стоял на берегу и с улыбкой смотрел на него.

– Доплыл! – бойко ответил юный мореплаватель.

– Коля, а почему ты обманул меня? Сказал, что болеешь и попросил меня отпустить с урока географии. Я думал, что ты действительно заболел. И отпустил тебя с последнего урока. А ты, оказывается, ничем не заболел. Почему ты мне правду не сказал?

– Я торопился!

– Куда! В аптеку за лекарствами? – с мягкой иронией сказал Вячеслав Петрович.

– Я боялся, что ураган затихнет. А мне хотелось поплавать на лодке во время урагана, когда на нашей речке поднимается большое волнение.

– Так и сказал бы.

– Вы меня не отпустили бы.

– Откуда ты знаешь? – сказал учитель географии, зная, что конечно не отпустил бы.

– А вы тоже любите большие волны? – зачем-то спросил Коля.

– Я люблю море, люблю океан. Я ведь моряк, – с гордостью сказал Вячеслав Петрович. – Коля, ты устал и замерз. Подплывай к берегу и пойдем домой. Твое морское путешествие закончилось.

– Нет, не закончилось! – одним духом выпалил Коля. – Теперь надо доплыть до точки, от которой начиналось мое плавание. Все мореплаватели так делали. И лодку надо поставить на причал.

– Если хочешь, ты будешь сидеть в лодке, а я поволоку ее по берегу к той точке, от которой ты начал свое плавание, – предложил учитель.

– Нет, так не бывает, – не согласился Коля. – Я сам поплыву обратно, без всякой помощи. Под ветер легко плыть. И ураган почти затих.

– Ну ладно. Давай, плыви. А я пойду по суше.

Вячеслав Петрович шел по высокому берегу, не обгоняя Колю и не отставая от него. Теперь ему было легче. Веслом он направлял лодку по нужному курсу, а грести приходилось очень мало. Ветер значительно ослабел, но лодку гнал довольно быстро. Да и волны помогали, хотя значительно присмирели и теперь уже не перекатывались через борта лодки и брызги от них только изредка падали маленькими дождичками на спину Коли.

Наконец, плавание закончилось. Коля приплыл к тому месту где была привязана лодка до отплытия. Вячеслав Петрович подошёл к берегу, взял лодку за носовую часть и подтянул на песок. Потом вытащил из неё цепь и намотал на короткий обрубок рельсы, врытой глубоко в песок.

Коля оставил весла в лодке и в два прыжка очутился на берегу. Вода глухо хлюпала в его резиновых сапогах.

– Здравствуйте, Вячеслав Петрович! – беззаботно улыбался начинающий мореплаватель.

– Привет, Витус Беринг! – проницательно всматривался учитель в своего ученика.

– А вы тоже пришли посмотреть на волны? Ведь вы моряк, – громко сказал Коля, прерывая свист ослабевающего ветра.

– Я шёл из школы домой и увидел тебя, – спокойно сказал учитель. – И ты тоже сейчас иди домой: Как можно быстрее. Отогреться дома. А то заболешь. Ты ведь продрог от холодного ветра.

– Вы скажете маме, что я пропустил урок географии?

– А ты как хочешь?

– Хочу, чтобы не сказали.

– Хорошо, я не скажу. Будем считать, что мы на речке провели с тобой урок географии.

С проникновенным и глубоким размышлением смотрел учитель на своего ученика, и ему казалось, что в нем есть что-то загадочное, таинственное, вообще такое, о чём раньше он не мог даже догадываться.

ДО ЛУЧШИХ ВРЕМЕН

К девяти часам Тина собралась на работу. В самый последний момент, перед уходом, полюбовалась на себя в зеркало: нет ли какой безвкусицы, вульгарности в косметике, в одежде, в чём-либо ещё? И осталась довольна своим мастерством подкрашивать губки, реснички, брови, ювелирно наносить макияж. Тщательно отглаженные черные брюки, бордовая, с мелким вырезом, кофточка, такого же цвета замшевые туфельки – вполне приличный демократический ансамбль, который не оскорбит, не покоробит вкуса даже самого завязатого, придирчивого ценителя моды и красоты.

Для контроля ещё недолго покрутилась, повертелась перед зеркалом и вынесла окончательный вердикт – всё у неё в порядке, всё просто, элегантно, красиво, изящно. Никакой вычурности и пошлости, никаких ненужных и лишних вольностей. Это как раз то, что нужно для работы. Хозяин цветочной фирмы, где она работала, иногда ненавязчиво и неназойливо напоминал всем своим сотрудникам, что внешний вид каждого из них играет немаловажную роль в повышении рейтинга фирмы. Поэтому Тина очень придирчиво оценивала свою внешность перед выходом на работу и не допускала в ней ни малейших погрешностей с эстетической точки зрения. Она прекрасно понимала, что внешний вид работницы – это своеобразная визитная карточка фирмы. Ей хотелось, чтобы фирма крепла и процветала. И, как могла, старалась привлечь внимание широкой публики к неутомимой деятельности своих коллег, которые выращивали яркие, благоуханные цветы для украшения квартир, офисов, свадебных коттеджей и, конечно, девушек, в руках которых, случайно или не случайно, окажутся букеты цветов фирмы, ставшей для неё почти родным домом. Тина взяла свою сумочку и вышла в коридор. По пути зашла на кухню, где её мама мыла посуду. На ходу вытирая руки о фартук, Людмила Алексеевна подошла к дочери.

– Ты уходишь? – смотрела она на дочь с таким выражением сверкающих материнской любовью глаз, выше которой в мире больше ничего нет.

– Я ухожу, мам! – спешно-деловым тоном сказала Тина. – У меня к тебе большая просьба.

– Какая просьба, Тиночка? – спросила Людмила Алексеевна с первородной готовностью выполнить всё, о чём бы не попросила доченька.

– Ты можешь съездить сегодня в супермаркет?

– Если тебе нужно, съезжу. Какой разговор? Что тебе там надо купить?

– Купи мне кошелёк. У меня сегодня не будет времени. У нас завтра намечается корпоративная вечеринка. А у меня страшный, неприглядный кошелёк. Мне стыдно его вытаскивать из сумки при людях. Весь потёртый, помятый, облезлый, выцветший, – брезгливо выламывались розовые губки Тины. – Я давно собиралась купить новый кошелёк, но времени не было поехать в магазин. Всё работа и работа.

– Это хорошо, что у вас много работы, – удовлетворительно улыбнулась мать. – Хуже, когда её нет или когда её очень мало.

– Мама, съезди, пожалуйста, в супермаркет.

– Не волнуйся, Тиночка. Я съезжу в супермаркет и куплю тебе кошелёк. У меня сегодня есть время.

– Только скажи, какой кошелёк тебе надо купить. Вот что главное, – улыбнулась Людмила Алексеевна. – Ты у меня привередливая. Куплю, а тебе не понравится.

– Кошелёк фирмы «Шанель». Это главное, – без лишних сомнений ответила Тина. – Одна наша сотрудница купила такой кошелёк. Мне очень понравился.

– Хорошо, Тиночка, сегодня у тебя будет новый кошелёк. Какой цвет тебе больше нравится?

– Тёмные цвета., мрачные мне не нравятся. Я люблю радужные, яркие расцветки.

Проводив дочь на работу и спешно доделав кое-какие дела по квартире, Людмила Алексеевна отправилась выполнять просьбу дочери. Часа через полтора она уже бродила по многочисленным и запутанным коридорам и закоулкам громадного супермаркета, сверкающего, несмотря на яркий солнечный день, сотнями электрический лампочек и люстр. Отдел кошелекков нашла не сразу. Пришлось побродить, поспрашивать, покататься по эскалаторам вверх и вниз.

Кошелекков в отделе было так много, что у неё разбежались глаза. Разнообразие цветов и модификаций подействовали на неё ослепляющим образом. От тёмных, серых кошелекков сразу отмахнулась. Взгляд невольно остановился на радужных расцветках. И моментально приковался к яркому красному кошелечку. Очень красивый. Такой кошелек не стыдно вытаскивать из сумки при людях. На работе, в магазине, в любом месте. И в руках держать приятно. Ощущается красота. Даже думать о том, что у тебя такой кошелек тоже приятно. Взяла понравившейся кошелек в руки. Очень мягкий эластичный, словно бархатный, лёгкий, почти невесомый. Одним словом, интеллигентный кошелек. Прямо-таки создан для нежных пальчиков дочери. Людмила Алексеевна осталась довольной своим выбором. И с радостным чувством добросовестно выполненного поручения дочери поехала домой.

Приехав домой, кошелек спрятала в сервант. И ушла в свою комнату. После такой суетливой одиссеи хотелось немного отдохнуть.

Тина пришла к семи часам. В прихожей сняла туфельки, надела пушистые мягкие домашние тапочки и неслышно прошла в свою комнату. Небрежно бросила сумочку на стол, переоделась во всё домашнее, села на диван. Рассеянным взглядом обвела комнату. На лице её было такое выражение, будто она не узнавала её, хотя жила в ней не один год.

Людмила Алексеевна, немножко вздремнув, лежала на кровати. Она слышала, как пришла Тина, как переобувалась в прихожей и прошла в свою комнату. Она терпеливо ждала, когда дочь зайдёт к ней. Между ними совершенно стихийно установилось одно сугубо семейное правило. Когда дочь приходит с работы или еще от куда-нибудь, то переодевшись, обязательно приходит к матери, на кухню или в комнату. Так было всегда на протяжении многих лет. А на это раз случилось что-то непредвиденное, непривычное. Людмила Алексеевна даже заволновалась. Прошло уже достаточно много времени, а Тина всё не заходит к ней. Не заболела ли? Может чересчур устала? Мало ли что может случиться? Она встала с кровати, взяла из серванта кошелек, и сама пришла в комнату к дочери. Таня понурившись сидела, на диване. С таким скорбным, печальным выражением на побледневшем, осунувшемся, казалось, помертвевшем лице будто какая-то приبلудная гадалка шепнула ей на ушко, что её парень ушёл к другой девушке и что на теперь никогда не выйдет за него замуж. Мать уловила потусторонний взгляд дочери и чуть не схватилась за сердце. Но вовремя опустила руку, не дотянувшись до него: вдруг дочь заметит этот жест, и её такое мрачное состояние усугубится ещё больше.

– Тина, что с тобой? – испуганным голосом спросила Людмила Алексеевна. – Заболела? Или устала?

Тина мельком, словно спугнутая синичка, взглянула на мать и моментально опустила глаза. Она, конечно, увидела кошелек, но не выразила совершенно никаких эмоций по поводу покупки. Людмила Алексеевна подумала, что дочь, видимо, забыла о своей просьбе купить кошелек.

– Нет, я не заболела, – до невероятности ослабевшим голосом сказала Тина. – И не устала, – и с отрешенной расплывчатостью взглянула на мать. Потом перевела взгляд на кошелек – и никаких признаков, что вспомнила о своей просьбе. И, будто чего-то застеснявшись, низко опустила голову. О кошелечке ни слова.

– Тина, я купила тебе кошелек фирмы «Шанель». Как ты просила. Я вспомнила твою просьбу. Ты не забыла о своей просьбе? – с вкрадчивой материнской нежностью говорила Людмила Алексеевна.

– Нет, не забыла, – еле слышно ответила Тина.

– Не знаю, понравится тебе яркий красный цвет или не понравится? Но его не стыдно показать при людях.

Людмила Алексеевна поднесла кошелёк к лицу дочери с намерением вызволить её из такого тяжкого оцепенения. Но Тина не проявила ни малейшего желания взять в руки кошелёк, полюбоваться им, порадоваться покупке, помять пальчиками. И оценить его добротную выделку. Дочь смотрела на кошелёк, как на какую-то совершенно ненужную побрякушку, которую можно без сожаления выбросить на мусорную свалку.

– Хороший кошелёк, – равнодушно сказала она и отвела от него глаза.

– Значит понравился, – облегченно вздохнула мать.

– Мам, спрячь этот кошелёк.

– Спрятать кошелёк?! – ничего не поняла Людмила Алексеевна.

– Да, спрячь.

– Куда же его спрятать?

– Спрячь куда подальше.

– Как это куда подальше? – вздрогнуло сердце матери.

– Спрячь до лучших времён.

– Как это до лучших времён? До каких это до лучших? Ты сама меня просила купить тебе кошелёк фирмы «Шанель». Сегодня утром перед уходом на работу. Что с тобой, Тина?

– Мне сейчас не нужен никакой кошелёк. Никакой фирмы.

– Почему не нужен?

– Сегодня хозяин фирмы уволил двоих сотрудников. Я в их числе.

– Опять кризис? – обременительно вздохнула Людмила Алексеевна.

– Не знаю, – еле раскрылись губы Тина.

– Господи, когда же всё это закончится?

– Не знаю, – бессильным, безнадежным голосом сказала Тина.

– Но ты не волнуйся доченька, не расстраивайся так сильно. Кризис приходит и уходит. По телевизору сейчас говорят, что кризис уже кончился. Началось развитие.

Тина легла на диван, положила голову на подушку и, ничего не сказав, повернулась к стене.

Людмила Алексеевна долго сидела на диване, рядом с дочерью, ожидая, когда к ней вернётся прежняя жизнь, и она снова станет нормальным человеком. Она думала о лучших временах, которые, по её убеждению, должны скоро наступить, и кошелек фирмы «Шанель» станет нужным для дочери.

Только три слова

В приемную Коля Мошкин влетел быстрее кометы Галлея. Как всегда, неутомимы, напористый, решительный, в синей спецовке, чувствительно пропитанной запахами машинного масла и еще какими-то горные-смазочными материалами, красноречиво говорящими о его тесной каждодневной связи с техникой. В его живых, быстрых глазах неуемно полыхало какое-то нетерпеливое и, по всей вероятности, очень страстное желание. Он чересчур торопился, будто куда-то безнадежно опаздывал, и по его разгоряченному, озабоченному виду было заметно, что он явился сюда с непомерно важными проблемами. Невероятно срочное или даже сверхсрочное дело. Неотложное ни под каким предлогом, ни за какие драгоценности, даже под дулом пистолета или автомата. Как раз тот случай, когда невыносимая экстренность и бьющее через край суперупорное стремление к цели могут быть выражены одним ёмким и сильным русским словом; «Горит!». Откладывать запланированное мероприятие нельзя ни на одну секунду. Надо незамедлительно, прямо сейчас, свернуть то, о чём думал, мечтал не один день и не одну ночь. Сейчас настал такой момент, когда промедление равносильно самоубийству. Свое намерение он осуществит сейчас, прямо здесь, в приемной. Хватит откладывать такое серьезное, судьбоносное дело в долгий ящик, на завтра или послезавтра! Нельзя же в конце концов легкомысленно относиться к тому, без чего нельзя нормально жить на белом свете. Он весь сгорал этой неутомимой и неудержимой жадой, которая была готова выплеснуться наружу бурным, всесильным весенним половодьем.

Секретарша директора предприятия, Света, молоденькая, смазливая девушка, только что окончившая факультет общественных связей, судя по её солидной деловой серьезности, печатала на компьютере очень важный документ по срочному заданию высшего начальства. Строгий вид секретарши как-то не очень сочетался с её девичьей первозданной нежностью и мечтательными глазами, но тем не менее явственно показывал её твердый и упрямый характер. Как только Коля Мошкин, намагниченный и взвинченный, влетел в приемную и совсем неожиданно предстал перед взором Светы, она как лань, спасающаяся от хищника, стремительно подскочила с насиженного места и, с грохотом отодвинув кресло ногами, опрометью шарханулась к директорскому кабинету и крестом раскинув руки, прилипла спиной к обитой чёрным дерматином высокой двери.

– Здравствуй, Светлана! – пристально наблюдал Коля за энергичными действиями секретарши.

– Здравствуй, Мошкин! – не то с укором, не то с обидой негромко сказала секретарша.

– Что с тобой, Света? – удивился Коля. – Вдруг перестала печатать, сорвалась с места, как ужаленная сразу тысячами пчёл. И стоишь вот у директорской двери, как бедная родственница, как будто тебя распяли за какие-то страшные, богопротивные прегрешения.

Оттого что Света подняла руки до уровня плеч, её коротенькая юбка сильно задралась и слегка оголила упругие, горячие бедра. Она этого, конечно, не замечала, а Коля растарачив глаза на всю эту красоту, еще активнее, неудержимее задался целью решить своей неотложный вопрос.

– Мошкин, я тебя всё равно не пушу к директору, – тихо, но решительно сказала секретарша. – Хоть ты молодой, подающий большие надежды инженер, но сегодня ты все равно не пройдешь к нему. Я сразу поняла, что ты опять пришел к директору по своим дурацкими профсоюзными делами. Они у тебя не кончаются. Сегодня ты не прошмыгнёшь как прошлый раз, не проведешь меня на мякине, не обхитришь, не усыпишь мою бдительность. Я не отойду от двери. И не думай, Мошкин, не надейся. Не пушу! – еле слышно, чтобы слова не долетали до ушей директора, предупредила она подающего большие надежды инженера. – Так что не строй никаких иллюзий.

– А я и не собираюсь к директору, – невинно улыбался молодой инженер и профсоюзный деятель. – Откуда ты взяла, что я собираюсь идти к директору? Он мне сейчас нужен, как пятое колесо телеге.

Мошкин подошел к столу, с демонстративным хладнокровием уселся в кресло, стоявшее напротив компьютера, с противоположенной стороны рабочего места секретарши.

– Знаю я тебя, – с глубоким негодованием сказала Света. – Ты и прошлый раз клялся, божился, что не пойдешь к директору. Прикинулся бедной овечкой. А сам выждал удобный момент и прошмыгнул к директору. Я не успела глазом моргнуть. А директор в это время был сильно занят. И он мне сделал хороший втык и предупредил меня, чтобы я больше никого не пускала к нему без его ведома. В противном случае он выгонит меня с работы. Так и сказал. А без работы ты сам знаешь... Работу сейчас не так просто найти.

– Светочка, да не нужен мне сейчас твой директор, – нетерпеливо убеждал Профсоюзный деятель секретаршу – Так что можешь сесть за стол. Мне надо с тобой поговорить.

Света опустила руки, устав их держать в горизонтальном положении. От дверей отходить не собиралась очень опасалась, что Мошкин, как три недели назад, снова прошмыгнет к директору по своим профсоюзным вопросам.

– Признайся, Мошкин, честно. Ты хочешь проскочить к директору, как прошлый раз. Но сейчас избрал новую тактику. хочешь охмурить меня, усыпить мою бдительность другим способом. Не получится. Я не желаю оставаться безработной.

– Нехорошо, конечно, получилось, – виновато понурился Мошкин. – Света, я это прекрасно понимаю. Но в этот день мне обязательно нужно было поговорить с директором. Во что бы то ни стало. На заводе возникла очень острая ситуация. И без профсоюза нельзя было ничего решить, сделать. Был кризис. Ты сама знаешь. А это дело нешуточное. Рабочие не получали зарплату. Нависла угроза увольнения. На грани остановки оказались некоторые цеха. Люди ходили злые, угрюмые, недовольные. Работяги уже намеревались всей когдой идти к директору. Могла случиться большая неприятность. Так что пойми меня, Света, и не злись на меня.

– Я на тебя не злюсь, – спокойно сказала света. – Но сейчас я тебя всё равно не пущу. Директор очень занят. У него иностранцы.

– Света, да не нужен мне твой директор, – весело улыбался Мошкин. – А иностранцы мне нужны, как зайцу лыжи.

– А зачем тогда пришёл?

– Светочка, я хочу сказать тебе только три слова.

– Мне? – уткнула Света свой указательный пальчик в грудь.

– Да тебе. А кому же ещё?

– Говори, я слушаю.

– Ты сядь на своё место. Чего стоишь у двери?

– Нет, Мошкин, я не сяду на свое место, – недоверчиво смотрела секретарша на подающего большие надежды молодого инженера. – Ты человек непредсказуемый. От тебя всего можно ожидать. Знаю я тебя.

– Света, не нужен мне сейчас директор.

– Если ты пришел ко мне, чтобы только поболтать со мной от нечего делать, то мне сегодня некогда. У меня много дел.

– Я пришел не для того, чтобы поболтать с тобой.

– А зачем в таком случае?

– Светочка, я пришел сказать тебе только три слова.

– Говори, я слушаю, – настойчиво сказала Света.

– Да ты сядь на свое место! – упрашивал Коля. – И я скажу.

– Нет, не сяду! – демонстрировала света свой характер. – Знаю я тебя! Придумал, как получше усыпить мою бдительность. Ничего у тебя на этот раз не получится.

– Светочка, да не нужен мне твой директор. Поверь мне. Сядь на своё место. И я скажу тебе три слова. И ты сразу убедишься, что никакой директор мне не нужен.

– Нет, не сяду, – оставалась неумолимой секретарша. – Я не верю тебе.

– Свет, – молитвенно смотрел он на секретаршу.

– Что?

– Знаешь, что?

– Пока ничего не знаю.

– Свет, – еле слышно прошептал Коля.

– Что?! – усилила секретарша голос.

– Я тебя люблю.

Света скрестила на груди руки, потупилась и задумалась. Потом пристально взглянула на Мошкина.

– Я тебе не верю, – отчетливо, чуть не по слогам сказала Света. – Это новый, изощрённый способ притупить мою бдительность.

– Света, – смиренно сказал Мошкин. – Я тебя очень прошу стать моей женой.

Света вся заалела, как майская роза в лучах утреннего солнышка. Она рассеянно посмотрела по сторонам, будто что-то искала, несколько раз переступила с ноги на ногу.

– А почему ты раньше не говорил мне об этом? Мы иногда ни о чём болтали в этой приёмной.

– Света, я же сказал тебе, что на заводе возникла очень напряженная ситуация. До личных проблем не доходили руки. А сейчас всё коренным образом изменилось. Нам дали госзаказ. Все работают, исправно получают зарплату, настроение у всех нормальное. Все довольны. И поэтому директор мне не нужен. Мне ты нужна, потому что я тебя люблю и хочу, чтобы ты стала моей женой. Может, и сейчас мне не веришь?

– Сейчас верю, – ещё ярче заалела секретарша.

– Может, сядешь на свое место?

Света, опустив голову, подошла к своему рабочему столу, села в привычное кресло. И, не глядя на Колю, положила руки на стол. Коля положил свою широкую, сильную ладонь на её руку и, ощутив её нежное тепло, впервые в жизни почувствовал себя счастливым человеком.

Загадка

В глазах Анны Петровны светился тихий, едва заметный восторг. Здесь, на том месте, где она сейчас шла, расстилось огромное пространство, на котором безраздельно господствовал дикий, непролазный чертополох. Сейчас всё изменилось до неузнаваемости. На большей части бывшего запустения выросли просторные красивые дома из красного кирпича, со множеством больших и малых надворных строений. Дома выстроились в два ряда, напротив друг друга, образуя широкую улицу, по обеим сторонам которой тянулись к свету и солнечному теплу молоденькие, ещё некрепкие стебельки берёзок, дубков, топольков. Перед каждым домом, в палисадниках, пламенели гладиолусы, тюльпаны, розы, яркость которых не могло затмить даже полуденное летнее солнце.

Немолодая уже учительница откровенно радовалась обновлению жизни своих трудолюбивых односельчан и слегка помахивая пакетом со школьным журналом и ещё какими-то книгами, замедлила шаги, чтобы вдоволь налюбоваться развернувшейся перед ней красотой. Какие большие и красивые веранды! Какие у всех чистые и светлые окна!

Возле угла одного дома стояла молодая женщина и, прикрыв ладонью глаза от яркого солнца, пристально всматривалась необъятную даль окружающих просторов. Затем перевела взгляд на учительницу. Опустив ладонь, прикрывавшую глаза, приблизилась к пешеходной тропинке, по которой шла учительница. Когда учительница подошла совсем близко, с радостной улыбкой воскликнул:

– Здравствуйте, Анна Петровна! Вы меня не узнали. А я вас сразу узнала.

Анна Петровна подняла поседевшую голову, взглянула на женщину и добродушно улыбнулась.

– Здравствуй, Зина! Я тебя сразу не узнала! Редко видимся. Село большое.

– А я вас узнала ещё издали, – восхищенно светились светлые глаза Зины.

– Теперь и я тебя узнала, – сказала Анна Петровна, останавливаясь перед Зиной. – Интересная встреча. Ну, раз встретились, рассказывай, как поживаешь. Интересно узнать, как мои ученики устроились в жизни.

– Нормально живём. Вот видите, построили дом с мужем, – указала Зина на кирпичный дом, позади которого выстроилось подворье. – Пока всё идёт хорошо. Не жалуемся на жизнь.

– Когда рожать будешь? – спросила Анна Петровна, глядя на выпуклый живот Зины.

– Через два месяца.

– Кого хочешь – мальчика или девочку?

– Вася хочет мальчика. Я хочу девочку.

– Хороший муж попался?

– Да ничего. Вы его прекрасно знаете. Тоже ваш бывший ученик. Вы его первая учительница. Он немного постарше меня. И учился у вас пораньше.

– Любите друг дружку? – не преминула Анна Петровна немножечко полюбопытствовать.

– Любим, – потупилась Зина, и её припухшие от беременности губы растянулись в счастливой улыбке.

– Где Вася работает?

– Стережёт фермерских овец. Он сейчас придёт обедать. Так что вы его увидите.

И как раз в этот момент со стороны подворья к женщинам подошёл плотно сложенный, степенный парень лет двадцати семи, в потёртых, выгоревших до белизны джинсах, в серой футболке, почти насквозь пропитанной потом. На фоне густо загоревшего мужественного лица отчётливо рисовались спокойные, внимательные глаза.

– Здравствуйте, Анна Петровна! – с почтением поклонился Вася своей первой учительнице.

– Здравствуй, здравствуй, Вася, – умиленно улыбалась учительница. – Я тут залюбовалась вашим домом и подсобными строениями. Хороший выстроили дом. Молодцы! Ничего не скажешь. Хороший у тебя муж, Зина. Работящий парень, – и одобрительно хлопнула хозяйина по мощному, крутому плечу. – С таким мужем не пропадешь.

– А вы, я вижу, по школьным делам хлопчете? – спросил Вася, глядя на край классного журнала, видневшегося из сумки.

– Иду переписывать первоклашек. Я в этом году выпустила свой класс. Теперь новый набираю. Так что дел много, – сказала Анна Петровна и взглянула на свои кругленькие наручные часики.

– Вы уже уходить собираетесь? – забеспокоился Вася.

– Дела, Вася, дела. Что поделаешь?

– Нет, Анна Петровна! Мы вас так просто не отпустим, – решительно сказал Вася. – Надо посмотреть, как живут ваши бывшие ученики. Вы посмотрели дом снаружи, а изнутри ничего не видели. План такой, – командовал хозяин. – Сейчас посмотрите на наше житье-бытьё, а потом будем обедать. План очень простой, – и широко улыбнулся.

– Ну хорошо. Я посмотрю ваше житье-бытьё, а обедать – как-нибудь в другой раз, – сделала учительница маленькую уступку. – Сейчас у меня не так много времени. Договорились?

– Хорошо, договорились, – согласился Вася. – Но только с учётом, что вы к нам придёте. А если не придёте, я сам за вами приду. Идёт?

– Идёт! – весело рассмеялась учительница.

– Ну что ж, начнём со двора, – сказал Вася и двинулся к широко раскрытым тесовым воротам. Женщины двинулись за ним.

Подворье, куда Вася привёл учительницу, представляло собой довольно большое пространство, по периметру которого, вплоть до углов дома, громоздились хозяйственные строения разного калибра и назначения. Почти весь участок покрыт ровным асфальтом. В воздухе витал мягкий, терпкий навозный душок. Где-то в глубине хрюкали свиньи. В самом дальнем углу красавец петух, крупный, яркий и чрезвычайно воинственный, разгребал голенастыми ногами мягкую почву, колесил, крылил вокруг жирных кур и неугомонно кокал, активно призывая своих верных подруг отведать червячков и другие деликатесы. В другом углу рябая толстая наседка энергично разыскивала лакомства для своих ещё не совсем оперившихся птенцов. Взъерошившись, расквохтавшись, она громко и призывно созывала своих деток, беспечно разгуливающих по всему двору.

Анна Петровна внимательно и заинтересованно разглядывала всё, что было перед её глазами.

– Сразу чувствуется, что хозяйство крепкое. Так все хорошо, по-хозяйски сработано, – восторгалась она. – Какие же вы молодцы!

– У нас семьдесят пять гусей, – похвастался Вася, чтобы первая учительница могла ярче представить всё хозяйство в целом.

– Это ещё не всё, – гордостью засветились глаза Зины. – У нас тридцать овец, три телка, четыре коровы. А индеек целая пропасть.

– Пять свиней, – дорисовал картину Вася. – Уткам нет счёта. А кур вообще целая куча. Мы их даже не считаем.

– Господи, сколько же надо трудиться, вкалывать, чтобы всё это хозяйство крепко держалось? Просто уму непостижимо. Прекрасный у тебя муж, Зина! Настоящий трудоголик. Да и ты, Зина, тоже трудяга. Я восхищаюсь вами.

Через некоторое время все вышли со двора, поднялись по ступенькам на веранду и направились осматривать комнаты. Во главе шествия шла Зина.

Показ внутреннего содержания дома начался со спальни комнаты. Над шикарно заправленной постелью с двумя громадными пуховыми подушками висел большой ковёр, восточный орнамент которого мог поразить самое изысканное воображение. Поразил он и воображение учительницы.

– Какой прекрасный ковёр! – захватило дух у Анны Петровны. – Прямо настоящая сказка.

– Туркменский, – чеканно произнёс Вася.

– Прекрасно, прекрасно! – восхищалась Анна Петровна.

– Теперь пойдёмте, в зал, – горела Зина желанием ещё кое-чем удивить самую первую учительницу.

Залом служила довольно просторная комната с двумя большими окнами, смотревшими на улицу и палисадник. В простенке между окнами стоял тёмно-коричневый раздвижной стол.

На самой его середине красовалась высокая ваза из голубого хрустала. Недавно поставленные в неё розы как бы напоминали о том, что в мире есть ещё вечная красота.

– Очень красивая ваза. А розы просто прелесть! – ярко горели глаза Анны Петровны.

Справа от стола стояла громадная стенка со множеством выдвижных ящичков самых разных размеров, со шкафчиками, заполненными рюмочками, хрустальными фужерами, стаканами и стаканчиками самых разнообразных и причудливых расцветок. В других шкафчиках стояли белые салатницы, хрустальные лодочки с голубым отливом. Много было фарфоровой посуды. Тарелок, чайных приборов, бокалов. В самом центре стенки, в прямоугольной нише, тускло светился экран телевизора.

– Всё у вас бесподобно красивое. Приятно посмотреть, – солнечно сияла учительница.

– Мы приобретаем только красивые вещи, – важна заметил хозяин.

После осмотра зала Зина повела учительницу в следующую комнату.

Здесь находился громадный платяной шкаф, и ей не терпелось показать Анне Петровне свои наряды.

Войдя в комнату, учительница сразу залюбовалась люстрой, висевшей в центре высокого потолка. Особенно ей понравились плафоны, похожие на увеличенные листья дуба.

– Бесподобная, оригинальная люстра! – выразила она свои эмоции. – Лучше, чем в Госдуме.

– Я из Москвы привёз, – сказал Вася, ни на шаг не отходивший от учительницы.

Зина подошла к шкафу, настежь распахнула обе дверцы и отошла в сторонку, чтобы Анна Петровна могла свободно созерцать его содержание.

– Ой, ой, ой! – схватилась учительница за голову. – Зиночка, сколько же у тебя нарядов?

– Как у испанской принцессы! – сострил Вася.

У Анны Петровны рябило, мельтешило в глазах от разноцветья ярких платьев, блуз, кофточек, ночных рубашек. Второе отделение шкафа было забито верхней одеждой. Тут висели платья из плотного материала, пиджаки, мужские и женские костюмы, зимнее пальто, шуба.

После осмотра нарядов все вышли на веранду. Здесь повеяло свежей уличной прохладой.

– Ну что ж, хорошо живёте, – подвела Анна Петровна итог осмотра хозяйства всего дома. – Молодцы! Всё у вас замечательно. Я от души радуюсь за вас. Всё у вас есть. Ни в чём не нуждаетесь. И я желаю вам дальнейших успехов. Но только вот, – с вкрадчивой осторожностью прозвучал её голос, – одного у вас нет...

– Чего у нас нет? – с пещерным испугом посмотрел Вася на супругу.

– Интересно, чего у нас нет, – вылупила Зина глаза и покрутила головой.

– Скажите, Анна Петровна, – омрачённое смотрел Вася на учительницу. – Мы незамедлительно купим. Деньги у нас есть!

– У вас нет самого главного, – таинственно сказала учительница.

– Чего у нас нет, Анна Петровна? – болезненным голосом спросил Вася.

Перепуганная через край Зина без видимого смысла уставилась на учительницу, выпятив перед ней свой тяжёлый живот.

– Всё у вас есть! – не торопилась Анна Петровна с ответом. – Спору нет. Но одного у вас нет. А это должно быть обязательно.

– Я догадался, чего у нас нет! – радостно выпалил Вася.

– Чего у вас нет?

– У нас нет японского телевизора. Но он скоро будет. Обязательно будет!

– Нет, я не об этом, – невозмутимо сказала Анна Петровна. – О телевизоре я даже не подумала.

– Я всё понял! – ударил Вася своим здоровенным кулаком по воздуху. – У нас нет машины. Но машина скоро будет. Деньги уже уплачены.

– Нет, нет, Вася, – с презрительным безразличием махнула рукой Анна Петровна. – О машине я тоже не думала. Дело не в машине. О такой мелочи и говорить не стоит.

– Анна Петровна, – упрашивала Зина учительницу, – скажите, чего у нас нет.

– Ну и загадка? – сокрушался Вася, почёсывая затылок.

– Я знаю! – вдруг радостно просияла Зина.

– Что ты знаешь, Зина? – мило улыбалась учительница.

– У нас в одной комнате нет ковра.

– Ковёр мы купим, – мгновенно отреагировал Вася. – Это для нас сущая мелочь.

– Да нет, – мягко отклонила Анна Петровна и эту догадку.

– Скажите, Анна Петровна, – умолял Вася учительницу. – Не тяните за душу. Мы немедленно купим. Ваше слово для нас – закон. Вот посмотрите.

– А Вы сами догадайтесь. Сами подумайте. Поразмышляйте немножко. И вы догадаетесь, чего у вас нет.

Вася и Зина переглянулись и ещё больше пришли в замешательство. Они пожимали плечами, не зная, что сказать. Зина раза два шмыгнула носом, потом отрешённо уставилась в окно веранды. Вася засунул руки в карман джинсов и запрокинул голову к потолку.

– Я догадалась, – неуверенно сказала Зина, – У нас нет пианино.

– Пианино мы купим! – небрежным тоном сказал Вася и чиркнул в воздухе правой рукой, показывая этим жестом, что купить пианино для него не составляет никакой проблемы.

– Да ну, что вы, друзья мои! – пришла в смятение Анна Петровна. – Это же самый настоящий вздор! Вы меня просто ошаршили. Зачем вам пианино? Кто на нём будет играть. Вы мои бывшие ученики. Я вас знаю, как облупленных. У вас относительно музыкального слуха медведь наступил на оба уха.

Вася безнадежно махнул рукой и снова задрал голову к потолку.

– Скажите, Анна Петровна, – взмолилась Зина. – Мы сами не догадаемся.

– Плохо, что не догадаетесь, – с грустным упрёком произнесла учительница.

– Ну и загадка! – раскраснелся Вася. С его лба стекали капельки горячего пота.

Анна Петровна поочередно посмотрела на обоих супругов. В её кротком взгляде выразилось явное сожаление по поводу такой обывательской недогадливости хозяев.

– Знаете, чего у вас нет? – тихо сказала она.

– Нет, не знаем! – хором ответили хозяева.

– Во всём вашем громадном и богатом доме нет ни одной книги, – суровым приговором прозвучали слова учительницы.

Для Васи и Зины эти слова прозвучали, как гром среди ясного неба. Их лица были такими испуганными, будто прямо на их глазах разыгралось небывалое светопреставление. Не ожидали они от своей первой учительницы такого горького сюрприза.

– Книги? – дёрнулся Вася в судороге, будто спросонья. Он провёл обеими ладонями па лицу и часто заморгал, как бы освобождаясь от внезапно нахлынувшего наваждения.

– А зачем нам книги? – упавшим голосам скрасила Зина.

– Как эта зачем? – недоумённо округлила глаза учительница. – Читать!

– А мы не читаем книги, – как на исповеди, призналась хозяйка.

– Это плохо! Даже очень плохо! – серьёзно сказала Анна Петровна. – У вас будет ребёнок. Если вы сами не читаете, то ребёнок ваш, когда подрастёт, должен обязательно читать книги, – вразумляла она своих бывших учеников. – А как же иначе, дорогие мои? Книги – эта духовная пища для каждого человека. Без книг жить нельзя. Как без хлеба, без масла.

– Мы вас понимаем, Анна Петровна, – поверил Вася учительнице.

– Да, мы вас понимаем, – поддакнула Зина.

– А что вы понимаете?

– Что наш ребёнок должен читать книги, когда подрастёт, – отрапортовал Вася, широка улыбаясь. Потому что книги – эта духовная пища.

– Правильно, молодцы! – радовалась Анна Петровна прозрению супругов. – Вася, я даю тебе очень важное задание.

– Слушаю вас, Анна Петровна! – по-военному отчеканил бывший матрос. – Ваше задание будет выполнена непременно в срок и в полном объёме.

– Сделай сам или купи полочки. Приделай их на стену и поставь рядом на них книги, – деловым тоном говорила Анна Петровна. – В нашем магазине продают прекрасные русские сказки. С яркими картинками. Русские сказки самые лучшие сказки во всём мире. Они учат добру, справедливости. Пусть ваш малыш видит волка, лису, зайца, медведя. А когда ваш ребёночек подрастёт, ты, Зина, читай ему эти сказки. Ребёнку необходимо духовное развитие.

– Буду читать, – не могла Зина противиться своей первой учительнице.

– Всё будет сделано, Анна Петровна! – твёрдо сказал Вася. – Моё слово – камень. С делом никогда не расходится. Вот посмотрите. Только приходите к нам почаще. И всё увидите своими глазами. Всё будет сделано в срок и в полном объёме! – и рубанул воздух своей мощной ладонью.

– Молодец, Вася! – одобрительно сказала учительница, – и вынула из сумки книгу в чёрном переплёте. – Это Библия. Я подарю её вам. Читайте хотя бы по несколько строчек в день. Я отметила, какие страницы надо прочитать. Эта книга предназначалась для другой родительницы. Но я вам её подарю сейчас. А этой родительнице подарю в другой раз. Читайте Библию. В этой книге всё сказано о нас. В ней сказано, какими мы должны быть, о чём думать, к чему стремиться, как должны жить, что желать или не желать своим ближним и дальним, как стать настоящими людьми. Как стать людьми от Бога, а не от Сатаны.

– Обязательно будем читать, – сказал Вася, держа Библию в своих крепких руках.

Анна Петровна мельком взглянула на свои кругленькие часики.

– Ну что ж, – тихо сказала она, – спасибо вам за гостеприимство. Мне пора.

– Мы ждём вас, – с любовью смотрела Зина на свою учительницу.

– Приду обязательно.

Все спустились с веранды.

– Ждём вас, Анна Петровна, – сказал Вася.

Анна Петровна пожала руки хозяевам и обещала прийти в самое ближайшее время.

– До свидания! – и, обернувшись, помахала ручкой.

– До скорой встречи! – хором произнесли хозяева.

Когда Анна Петровна свернула за угол соседнего дома, Вася и Зина переглянулись, улыбнулись и отправились обедать.

Родная сестра

Домик неплохой, кирпичный, светлые просторные комнаты, выходящие почти во все стороны горизонта, расположенные так, что в жаркие и аномально душные летние дни вполне хватает и солнца, и тепла, и прохлады. Елизар Пантелеевич и его супруга Анна Порфирьевна были безгранично довольны, что купили этот домик. Заплатили хорошие деньги, но овчинка стоит выделки. Раньше они жили, как говорил хозяин, в прямоугольной башне, на семнадцатом этаже. Смотришь с балкона на такие же серые, бездушные башни и практически ничего не видишь, кроме легковушек, которые сверху кажутся черепашками, облепившими весь двор во всю длину дома. Люди видятся маленькими фигурками, величиной с муравья, деревья тоже карликовые, а снизу, когда стоишь на асфальте, они высокие, могучие, даже величественные. Птиц на такой высоте никогда не бывает, так что весной не услышишь птичьего голоса и концерты. До семнадцатого этажа деревья не дотянутся никогда, поэтому птицам здесь негде сесть и приютиться. Воздух здесь накален пылью самого разного происхождения, бензином, удушливым смрадом выхлопных труб. И супругов на старости лет потянуло к природе, туда, где есть чистая земля, лесные поляны, где можно каждый день слушать птичьей симфонии, видеть деревья, кустарники, травы. И поэтому Елизар Пантелеевич и Анна Порфирьевна решили купить домик у самой крайней черты города, в частном массиве, за которым расстилается бескрайнее лесостепное пространство, заполненное чабрецом, мятой, сиренью, белой акацией, разными полевыми травами, издающими в весенне-летнее время живительно-сладостные ароматы и всякие благовония. Роскошный воздух, дышишь им, и не надышишься. И еще супруги купили большой участок земли. Елизар Пантелеевич решил заняться бизнесом, о котором мечтал не один год. Участок располагался прямо за придомным земельным наделом, что имело немалое значение для занятия бизнесом.

Обустроившись на новом месте, Елизар Пантелеевич, в одно тихое, солнечное утро, вышел за околицу и спокойно, по-хозяйски, оглядел свои земельные богатства, которые он успел уже огородить со всех сторон решетчатой изгородью полутораметровой высоты. И он с наслаждением думал, что под ним находится не просто земля, не просто земная твердь, которая предназначена для ходьбы и езды, а прекрасный русский чернозем, по праву прославившем во всем мире самым что ни на есть настоящим золотом. Иные говорят, что все здесь после дождя бывает много грязи, а он считал, что это не грязь, а бесценное богатство, источник немалых доходов, если быть поумнее, и не считать грязь грязью. Вместе с супругой они уже решили на своей земле высевать рожь и пшеницу, построить небольшую пекарню и выпекать для населения дешевый, экологически чистый хлеб. Люди хотят покупать такой хлеб и готовы платить за него деньги. Поэтому хлебопекарный бизнес, по всем расчетам и прогнозам, даст хорошую прибыль и через какое-то время можно еще прикупить земли. Супруги делали стопроцентную ставку на многовекторное, разноплановое, охватывающее все их бытие во всех нюансах, до самых мельчайших деталей, проблем, вопросов, материальное благополучие. Елизар Пантелеевич неторопливо, по-хозяйски, внимательно смотрел всю плантацию и остался доволен. Земля ровная, чистая, без всяких ухаб, колдобин, рукотворных безобразий: хороший кусок попался. Он все проверял, щупал, обнюхал, но только вот на высокую березу, стройную, прямую, почти как свеча, с раскидистыми, густыми, сочными ветвями, утончающимися, укорачивающимися по мере приближения к макушке, величаво возносящуюся к небу, не обратил должного внимания. Береза росла почти на самой границе его придомного участка с новым громадным участком, который он приобрел недавно за большие деньги.

Анна Порфирьевна, его супруга, копошилась на кухне, когда он вернулся с плантации. Располневшая, сытая, непробиваемо спокойная и невозмутимая, властно взглянула на него и спросила:

– Ну, что там, все в порядке?

– Все в порядке, – спокойно ответил Елизар Пантелеевич.

– А что ты собираешься делать с этой березой?

Супруг пожал плечами, съездив их до самого минимального размера, сделал нелепую физиономию, которая говорила о том, что эта береза ему совершенно безразлична. Есть она, нет ее – ему это по барабану.

– Я сам не знаю, – отвлеченно ответил хозяин.

– А что тут знать? – суровым голосом сказала Анна Порфирьевна. – Здесь нечего знать. Тоже мне – нашел проблему. Не знает он. Ее надо спилить и оттащить куда-нибудь подальше. И весь разговор. Она мне уже глаза мозолит. Посмотрю в окно на нее – она, как пьяная, качается на ветру. И откуда она тут взялась – бог ее знает? Вокруг нет ни одного деревца, ни одного кустика. И какой дурак или дурочка посадил ее на этом месте – неизвестно. И ведь выросла. Такая оказалась живучая. Смотри, как раскинула свои сучья. Полгектара занимает. Я, когда прохожу мимо нее, и она шумит, то мне становится грустно и скудно.

– Ну и срубим или спилим ее к чертовой матери. И весь разговор, – успокоил Елизар Пантелеевич супругу.

– Когда ты ее спилишь?

– Завтра или послезавтра. Какая разница? Но главное не в том, что она наводит на тебя своим шумом грусть и скуку.

– А в чем главное?

Елизар Пантелеевич крепко призадумался, поскреб ногтями лысый затылок, посмотрел в окно на березу.

– Она нам будет мешать, – с гранитной убежденностью сказал он. – Мы будем здесь сеять пшеницу и немного ржи. У нас бизнес. Будем печь хлеб. На огне и на камне. Нам для этого нужно много зерна. А эта береза занимает довольно приличное пространство, на котором ничего посеять невозможно. Практически, земля под березу будет просто бездельно пустовать.

– Это верно. Правильно ты подметил, – одобрительно отнеслась супруга к хозяйским заботам своего благоверного. Срубим ее или спилим поскорее.

На следующий день Елизар Пантелеевич снова отправился на плантацию. Но теперь уже не просто осматривать ее в самом общем плане. Теперь он решил распланировать, что и где посадить, кроме пшеницы и ржи. Ведь надо еще оставить места для картошки, для огурчиков, морковки, чесночка, лучка и другой витаминной продукции, без которой в зимний период никак невозможно обойтись. И для всех этих культур он присматривал наиболее подходящее место.

– Здравствуйте, Елизар Пантелеевич! – вдруг услышал он за спиной приятный, негромкий женский голос.

Хозяин неспешно обернулся на голос и увидел перед собой интересную женщину, хорошую, со вкусом одетую, с пышными светло-каштановыми локонами. Это была та самая женщина, у которой он купил этот дом, в котором сейчас жил со своей супругой. Про себя Елизар Пантелеевич немного удивился: зачем-то она вдруг пожаловала? Какие-то, может быть, возникли недоразумения в результате купли-продажи? И он не обрадовался ее появлению. Все возможно. Но, видя веселый, оптимистический настрой женщины, он успокоился, взял себя в руки, и даже улыбнулся, демонстрируя уважение к хозяйке купленного дома.

– Здравствуйте, Марина Викторовна! – широко улыбнулся новый хозяин дома. – Рад Вас видеть. Как поживаете на новом месте? Не сожалеете, что свой домик продали?

– Нет, не сожалею. На новом месте все хорошо, все в порядке. А вы как устроились на новом месте?

– Неплохо, даже очень неплохо, – с искренним чувством сказал хозяин. – Мы люди немолодые, пенсионеры и нам нравится жить на природе. Так что у нас все пока хорошо. Здесь

природа. Да мы сами когда-то в деревне жили, на природе. Так что у нас дела пойдут в общем-то неплохо. И мы рады, что и у вас все хорошо на новом месте. Как говорится, и овцы целы, и волки сыты.

– Это верно, – удовлетворенно сказала Марина Викторовна. – А я, знаете, с какой целью пришла к вам?

– Пока не знаю.

– Скажите, вам нравится эта береза? – окинула Марина Викторовна быстрым взглядом березу сверху донизу.

Елизар Пантелеевич в недоумении пожал плечами закинул руки за поясницу, угнул голову и о чем-то задумался, откровенно говоря, он не знал, что ответить женщине.

– Береза как береза, – сказал он с ленивым равнодушием и взглянул на Марину Викторовну. – Таких много на белом свете.

– А для меня это самая прекрасная береза во всем мире. Таких на земном шаре нет.

– Марина, ты к чему подводишь разговор? – островато ухмыльнулся хозяин. – Я что-то не понимаю.

– Я пришла у вас узнать, как вы распорядитесь с этой березой. Оставьте ее или удалите? Это мой к вам вопрос.

– Березу мы удалим! – с какой-то нервной поспешностью сказал Елизар Пантелеевич. – Зачем она здесь нужна? Что ей нам делать? Мы будем заниматься бизнесом, и она, конечно, нам будет мешать. Кстати, и супруга моя не желает, чтобы береза осталась на плантации. А вот она и сама пришла.

– Здравствуй, Мариночка, – веселым голосом сказала хозяйка, – Я смотрю в окно и вижу, что ты беседуешь с моим мужем. Думаю, чего это она пришла? Уж нет ли какой претензии к купле-продаже твоего дома? Все ведь возможно. И я, знаешь, немного заволновалась.

– В купле-продаже все нормально, чисто, – успокоила Марина Викторовна хозяйку. – Но вот мне очень досадно, что ваш супруг хочет ее срубить, – кивнула она головой на дерево. – А вы как на это смотрите? Вы заодно с мужем? Или...

– Конечно, заодно, Мариночка, а как же иначе. Ведь муж и жена – одна Сатана. Что поделать? Так что я за то, чтобы этой березы здесь не было, – уточнила хозяйка свое отношение к березе. Зачем здесь нужно это дерево? Оно здесь совсем не к месту.

– Анна Порфирьевна, – умиляющим тоном сказала Марина Викторовна. – Это не просто дерево. Это же настоящая красавица! – и, повернувшись к березе, вскинула к ней обе руки, будто ей хотелось обнять ее и расцеловать. – Это же красота! Да какая красота!

– Красивая береза, нет спору, – согласилась хозяйка. – Но дело в том, Марина, что из одной красоты щи не сварить, – она поджала свои жирные, лоснящиеся губы и горестно покачала головой. – Красоту не разогреешь в микроволновке и не подашь гостям. Вот, в чем дело. Гостей надо угощать материальной пищей. А красотой их не накормишь.

– Но ведь она вам несколько не мешает. И сейчас, и в будущем, – встревожилась Марина. – Пусть растет. Она никого не трогает.

Елизар Пантелеевич, смотревший куда-то в пустоту, услышав эти слова Марины Викторовны, медленно, неуклюже развернулся к ней и взглянул на нее с такой скрытой насмешкой, словно она была слишком наивна и ничего равным счетом не понимала. Но он не хотел ее ничем обижать, потому что от природы был человеком добрым. Да и воспитывался в довольно приличной семье, где не было дураков и дебилов. Но жизнь наложила на его душу и разум такой отпечаток, от которого некуда деваться, от которого никакими силами и мольбами не отвертеться, не спрятаться нигде и никогда. И это обстоятельство он никак не мог проигнорировать, закрыть на него глаза. Он думал о бизнесе, о деньгах, о своей собственности, от которой зависит благополучие его семьи. Поэтому он просто хотел убедить бывшую хозяйку дома в том, что эта береза не нужна.

– Береза, конечно, красивая. Все это так, – с вежливым добродушием сказал он, уважительно глядя на неожиданную гостью. – Все это так. Но ты должна понять наши интересы. А когда поймешь, то согласишься с нами. И весь тут разговор. Ты успокоишься и забудешь про эту березу. Дело в том, что мы будем заниматься бизнесом. На этой земле мы будем сеять пшеницу, рожь и другие культуры. У меня хлебопекарный бизнес.

– Я знаю, – тихо сказала Марина Викторовна.

– Хорошо, что знаешь. А теперь послушай меня. Вокруг березы, со всех сторон, нельзя высевать семена. Слишком длинные у березы ветви. А это немалый участок плодородной земли. Под березой ведь не посеешь ничего. Надо отступить от ствола на много метров. Площадь получится приличная. И она будет пустовать. И еще вот что. Береза высокая, мощная. Сколько она воды возьмет из почвы? Для посевов будет недостаточно воды. Вот, в чем дело, – убеждал хозяин женщину.

– Я все это понимаю, Елизар Пантелеевич, – с добродушной нежностью сказала Марина Викторовна. – У меня отец тоже занимается бизнесом.

– Я знаю его. У него серьезный бизнес.

Анна Порфирьевна стояла рядом с супругом и чуть ли не в рот заглядывала ему, опасаясь, что он ляпнет что-нибудь не то или пойдет на какие-нибудь уступки, чего она до смерти не хотела.

– Давайте заключим компромисс, чтобы всем было хорошо, – прослушав доводы супругов, желающих убрать березу, Марина Викторовна задалась любой ценой отстоять березу.

– А какой компромисс? – равнодушно спросила Анна Порфирьевна.

– Я буду выплачивать вам стоимость зерна, которое вы не доберете из-за этой березы. Каждый год буду выплачивать. По рыночной цене. Могу заплатить деньгами, могу натурой. Вам привезут зерно, какое вы скажете, ссыплют туда, куда вам нужно. Так что вам заботиться не надо ни о чем. Согласны? – с радостной надеждой посмотрела она на обоих хозяев.

Елизар Пантелеевич молчал, и, склонив голову на бок, думал над предложением Марины Викторовны.

– Но тут есть еще одна закавыка, – с ползучей придирчивостью сказал он. – Дело в том, что мы купили землю, на которой стоит твоя береза. А земля сейчас – товар очень дорогой.

– Совершенно верно, – активно подхватила Анна Порфирьевна мысль супруга. – Мы эту землю недавно купили. А если береза останется, то мы будем нести убытки.

– Да я и за землю вам заплачу, – не заставила себя ждать Марина Викторовна. – И никаких убытков вы не понесете. Могу даже заплатить в трехкратном размере от рыночной цены. Никаких убытков у вас не будет. Вот и все. И овцы целы, и волки сыты.

Анна Порфирьевна и Елизар Пантелеевич переглянулись, и выражение их лиц стало таким загадочным, таким непроницаемым, словно еще не знали, что делать, что отвечать Марине Викторовне на ее предложение. Хотя тут все было ясно, прозрачно, понятно. Никакого подвоха с ее стороны не было и не могло быть. А все-таки, не мешало бы подумать, все взвесить, просчитать, а потом уже давать окончательный ответ.

– Марина, – пришла в голову хозяйки очень любопытная мысль.

– Что Вы хотели спросить? – улыбнулась Марина Викторовна.

– И что тебе далась эта береза? – недоумевала Анна Порфирьевна. – Зачем тебе платить за нее деньги? Ну будет она расти, распускаться еще шире, шуметь своими ветвями на ветру. И что дальше. А ты будешь платить за нее деньги. Не жалко их тебе? Не понимаю – как это возможно?

Марина Викторовна скрестила перед собой ладони, опустила глаза и несколько секунд молчала. Выражение ее приятного, симпатичного лица можно было понять так, что она думала о том, как в доступной форме разъяснить этим людям, что эта береза ей очень дорога. Она могла бы заплатить сколько угодно денег, чтобы хозяева согласились с ней на компромисс

на любых условиях. Но сказать только об этом, по ее мнению, очень мало. Они об этом хорошо знают. А им надо сказать такое, о чем они не знают и не догадываются. Тогда, может быть, они поймут все до конца и в их душах проснутся благодарные чувства. Марина Викторовна улыбнулась, и своей улыбкой как бы осветила ярким светом хозяев, которые смотрели на нее и молчали.

– Посмотрите на эту березу внимательно, – сказала она мягким, нежным голосом и повернулась к березе.

Хозяева синхронно, словно по какому-то автоматическому сигналу, повернулись к березе, подняли на нее глаза и впервые внимательно присмотрелись к ней, словно хотели в ней увидеть то, что увидела Марина Викторовна.

– Береза, конечно, красивая, – промолвила Анна Порфирьевна.

– Но квадрат земли, который занимает береза, довольно приличный, он стоит денег, – предупредительно сказал хозяин, чтобы женщина, влюбленная в березу, все продумала, взвеси́ла и сделала окончательное решение. —Береза красивая, это точно. Но, – остро он посмотрел на Марину Викторовну и прищурился так, что глаза его превратились в маленькие, в которые не влезет и муравей, – эта береза сейчас наша собственность.

– Это верно, – согласилась Анна Порфирьевна. – Это наша собственность. А собственность продается и покупается.

– Совершенно верно, – согласился хозяин.

– Я куплю ее у вас, – моментально отреагировала Марина Викторовна. – И заплачу за нее столько, сколько вы запросите. За все буду платить. Только соглашайтесь на компромисс, который я вам предложила. Я не переживу, если вы ее срубите или спилите, и оттащите куда-нибудь в овраг. Вы только посмотрите на эту березу. Это сама красота. Эта береза говорит о том, что в мире еще есть красота. И люди, если только они правильно ее поймут и воспримут всей душой и разумом, она обязательно спасет мир от варварства и бандитизма. Я, когда проезжаю в этих местах на автобусе, всегда смотрю на эту березу и в душе моей рождается тепло, любовь и блаженство. И другие люди, которые едут со мной, всегда смотрят на эту березу и дивятся ее красотой. И смотрят на нее до тех пор, пока не автобус не скроется за высокими домами. – вдохновенно, страстно говорила Марина Викторовна. – Это символ красоты. Посмотрите, какая она стройная, высокая, прямая, гордая. Вся белая, будто в белом свадебном платье, и на солнце блестит серебряным светом. От нее походит благодатный свет.

– И откуда она здесь взялась? – удивилась Анна Порфирьевна, перекрестив у груди руки. – Какая-то приبلудная.

– Нет, – возразила Марина Викторовна, – она не приبلудная. Двадцать пять лет назад мне было шесть лет. Мы с мамой шли здесь и случайно обнаружили маленький саженец березки. Она была малюсенькая, почти миниатюрная. Мы с мамой посадили ее на нашем участке, недалеко от дома. Тогда это была наша территория. Поливали ее, подсыпали подкормку из минеральных веществ. Когда она хорошо принялась, окрепла, мама сказала мне, чтобы я ходила с маленьким ведерком вместе с ней и тоже поливала березку. Она, как я поняла позже, использовала этот момент для воспитания у меня любви к труду. А потом я сама стала ухаживать за березкой. Без мамы.

– Мама правильно тебя воспитывала, – с душевным откровением сказала хозяйка.

– Если мы заключим компромисс, я куплю у вас эту березку, чтобы она была моей, а не вашей. Думаю, вы разрешите мне приходить к ней иногда, особенно – осенью. Я буду ее окапывать так, чтобы всегда после дождя не размывалась, куда не надо, а оставалась бы в земляном блюде.

Хозяева, поверившие в искренность рассказа Марины Викторовны, немного помолчали, задумчиво смотря на нее, выражая своим добродушным видом солидарность с ней.

– Аня, – обратился хозяин к супруге, – ты согласна заключить с Мариной компромисс на тех условиях, которые она предложила?

– Согласна.

– Я тоже согласен.

От чувства радости Марина Викторовна зарумянилась, и красочная улыбка делали ее еще красивее.

– Я вас благодарю за все, – сказала она, благодарно глядя на хозяев. – Посчитайте все и предъявите мне счет. Я за все заплачу. И не думайте об этом, не переживайте. Деньги – это такая мелочь, о которой можно не думать. Понимаете, я уже сроднилась с этой березой и уже не могу без нее жить. Эта береза для меня, как младшая родная сестра.

Лучше поздно

Воскресный день выдался безветренным и немного прохладным. Прекрасная погода! Нет изнуряющей духоты, как бывает в иные июльские дни, нет умопомрачительного зноя, значительно ослабело солнечное пекло. А сегодня на улице просто прекрасно. Невозможно усидеть дома, в четырех стенах.

Василий Ильич и его супруга Валентина Петровна в первой половине дня собрались выйти в город. Люди они уже немолодые, но все равно хочется побывать на людях, посмотреть на мир Божий, погреться на солнышке. Они решили посетить городской парк, о котором слышали немало хороших, похвальных слов от знакомых и незнакомых людей. Мощный, упорный шум фонтанов, благоухание ярких летних цветов, неумолчное пение птиц в густых кронах вековых дубов, стройных берез, кленов, тенистых лип оказывали на отдыхающих горожан магическое и незабываемое впечатление. Василий Ильич и его супруга не были в парке уже немало лет. Василию Ильичу просто-напросто было некогда сюда ходить: он занимался бизнесом, который не оставлял ему ни одной свободной минуты. Супруга работала всю жизнь в бухгалтерии одной крупной технической корпорации. Несмотря на это, у нее было свободное время посетить парк, но куда идти без мужа. Одной скучно ходить по парку.

Они вышли на тротуар и потихоньку, по-стариковски двинулись в направлении городского парка, куда каждое воскресенье стекалось почти все население города. Шли медленно, как и положено, рядышком, соприкасаясь плечами, руками, ладонями. Смотрели на людей, бесконечной вереницей движущихся к местам отдыха, особенно на молодых, весело и шумно спешащих на танцульки и прочие увеселительные развлечения.

Прямо перед ними на расстоянии всего нескольких метров, величественно и горделиво шли парень и девушка. Молодые люди увлеченно беседовали, потихоньку смеялись, парень часто жестикулировал левой рукой, а в правой держал ладонь девушки. До городского парка пройдена уже значительная часть пути.

Василий Ильич и Валентина Петровна все время шли за молодыми людьми, не отставая от них и не выходя вперед. Двигались как бы у них в фарватере. И все время молодой человек держал в своей руке ладонь девушки. Ее маленькая, нежная ладошка уверенно покоилась в его сильной, крепкой ладони. Василий Ильич не замечал этого и даже не смотрел на молодых людей. А вот Валентина Петровна не сводила с них своих глаз, хотя не видела их лиц. Она все время смотрела на их сплетенные ладони и умиленно улыбалась.

– Они наверняка любят друг друга, – первой заговорила Валентина Петровна. – Как они красиво держатся за руки. Просто загляденье. Ты это заметил, Вася?

– Что заметил? – рассеянно спросил супруг.

– Как молодые люди держатся за руки. Они любят друг друга.

– Конечно, заметил, – как будто сквозь сон ответил Василий Ильич и так зевнул, словно умирал от скуки.

– Ты только посмотри, как парень крепко сжимает руку девушки! Он ее безумно любит, – не переставала восхищаться Валентина Петровна. – А ты как думаешь, Вася?

– Я что-то пока ничего не подумал относительно этого факта. Но в общем и целом, нормально, – лениво сказал Василий Ильич, провозжая взглядом слетевшую с дерева ворону.

– Нет, ты только посмотри, Вася, – сказала Валентина Петровна тихим голосом. – Девушка высвободила свою ладонь и крепко пожала руку парня. Я все заметила. А ты заметил?

– Заметил, заметил, – опять зевнул Василий Ильич и слегка похлопал ладонью по губам.

– Ты внимательно наблюдай за их руками, – настоятельно рекомендовала супруга, – Ты, я смотрю, ничего не видишь и не замечаешь. Девушка тоже любит парня. У них чистая, живая любовь. В наше время это не такое уж частое явление.

Василий Ильич слушал жену краешком уха и не очень старался ухватить смысл того, что она говорила. Ему хотелось идти быстрее, хотелось побродить по аллеям парка, выпить пивка и в конце концов вдохнуть в свою грудь чарующие запахи сирени и черемухи. Особенности супруги он знал прекрасно. Если она случайно или неслучайно чем-либо серьезно заинтересовалась, на что-то обратила глубокое внимание, то разговор с ней очень трудно, даже невозможно, перевести на другие рельсы. Поэтому он не старался направить ход её интересов и мыслей в другую сторону. Бесплезная затея. Но зато искусно создавал видимость, что слушает ее я выполняет ее рекомендации относительно молодых людей. На самом деле его одолевала невыносимая скука. Он бесцельно смотрел на макушки высоких тополей, на которых сидели вороны, на пролетевший над городом вертолет, на высотные дома, громоздившимися невдалеке сказочными великанами. Он стал чаще зевать и прикладывать ладонь к губам. Его не на шутку одолевала скука. Ему стали надоедать сентиментальные, как он думал, выдумки супруги. И ужасно надоело идти в людской толпе. И ему очень хотелось сказать молодым людям, чтобы они ускорили свои шаги, свое поступательное продвижение к цели. Кругом шли люди, молодые и старые, шли маленькими группками, парами, в одиночку. На тротуаре стало уже немножко тесновато и, видимо, по этой причине некоторые стали обгонять медленно идущих впереди. Выходили вперед даже пожилые мужчины и женщины, не желая двигаться черепашьими темпами. У Василия Ильича не угасало желание тоже вырваться вперед и двинуться в парк ускоренными шагами.

– Валя, – решил он в конце концов предложить жене вырваться на передовые позиции, – тебе не кажется, что мы с тобой слишком уж медленно передвигаемся? Как будто стоим в очереди за каким-то очень дефицитным товаром. Очередь слишком медленно движется. Так мы и до вечера не доползем до парка.

– Нет, – мгновенно отреагировала Валентина Петровна, – я не хочу выходить вперед. Я смотрю на молодых. Приятно на них смотреть. Ты только посмотри, как они любят друг друга. Посмотри, как они нежно держатся за руки. Это же самая настоящая, самая истинная любовь!

– Я смотрю, – кротко ответил Василий Ильич, смирившись с участью идти черепашьими шажками. – Они нежно держатся за руки.

– Их соединяет любовь, – не могла Валентина Петровна налюбоваться на молодых людей.

– Это верно. Их соединяет любовь, – зевнул Василий Ильич и воздел глаза на малюсенькое облачко, висевшее высоко в небе. Он с сожалением подумал, что супругу невозможно изолировать от этих молодых людей. Если она прилипла к заинтересовавшему ее объекту, никакая сила ее от него не оторвет.

Валентина Петровна вдруг неизвестно по каким причинам продолжительно и остро посмотрела на мужа. В ее глазах и на всем лице выразилось такое чувство, как будто она чего-то потеряла и хотела пожаловаться мужу. Василий Ильич не придавал этому никакого значения и продолжал скучать в нетерпеливом ожидании момента, когда они пойдут быстрее.

– А ты, Вася, – решила она поведать мужу о своей утрате, – ни разу не взял меня за руку, когда мы были молодыми и только что начинали дружить.

– Этого не может быть! – восторженно воскликнул супруг. – Ты просто забыла. Не может этого быть!

– Нет, Вася, – с какой-то отдаленной, давно забытой обидой сказала Валентина Петровна. – Ты меня ни разу не взял за руку, не держал мою ладонь в своей ладони. А мне так хотелось, чтобы мы ходили с тобой, взявшись за руки. Ты ни разу не догадался взять мою руку и согреть ее в своей руке, как делает этот парень. Вася, я ничего не забыла. Такое не забывается, – высказывала она свои упреки.

– Неужели я тебя ни разу не взял за руку? – удивлялся Василий Ильич.

– Ни разу! – чиркнула Валентина Петровна рукой по воздуху. – Я ждала все время, что ты все же догадаешься, но до сих пор этого не произошло. Сначала я на тебя немножко обижалась, но потом смирилась и перестала обижаться. Сколько красивых чувств выпало из наших лирических отношений? Сколько красивых моментов пролетело мимо нас?

– А почему ты тогда не сказала? – предъявил претензии супруг. Мне не трудно было взять тебя за руку. Я мог бы нести тебя на руках через весь город.

– Вася, это уже не то, – вздохнула супруга. – Ты должен был сам догадаться

– Интересно, как же я мог допустить такую оплошность? – расстроился Василий Ильич.

– Вася, ты с молодых лет погрузился в бизнес, И весь утонул в нем. И до сих пор ты из него не выбрался. Вот в чем весь секрет. Ты занимался бизнесом, а меня просто-напросто не замечал.

– Неужели бизнес всему виной? – сокрушался Василий Ильич.

– Это точно – бизнес. Он съедал все твоё время, всю твою жизнь. бесконечные корпоративы, беспрестанная борьба за выгодные сделки с партнерами, выяснение прав и обязанностей в отношениях. С ними, выяснение опроса и предложения, вечная неразбериха относительно цен на твою продукцию, а в интернете ты сидел день и ночь, забывал о еде. Я тебе всегда напоминала, чтобы ты поел, попил хотя бы чаю. И каких только у тебя дел не было! И сейчас у тебя не остыл интерес к бизнесу, хотя ты немолодой. Бизнес – это твоя жизнь. А меня ты не замечал.

– Валя, такая жизнь сейчас. Что поделаешь? И никуда от нее не убежишь, не улетишь, не скроешься ни в каких кустах. Пожалуйста, не обижайся на меня. Я не в силах переделать эту жизнь.

– Вася, это не жизнь! – возразила Валентина Петровна. – Жизнь есть там, где есть любовь. Где любовь, там есть и жизнь. Вот в чем вся философия.

– Валя, но я тебя всегда любил, – оправдывался Василий Ильич. – И сейчас люблю. Мы живем с тобой не один десяток лет и ни разу не поссорились. А это о многом говорит, – успокаивал он жену.

– Я согласна с тобой, Вася, – с кроткой душевностью сказала Валентина Петровна. – Мы любили и любим друг друга. Но наша любовь наверняка была бы сильнее и красивее, если бы ты во время наших прогулок держал мою ладонь в своей ладони, как вот этот молодой человек, который идет впереди нас со своей девушкой, Вася, ты правильно сказал, что совершил оплошность. Что тут и говорить? Сколько упущено прекрасных, неповторимых мгновений, которые могли бы украсить нашу любовь и всю нашу жизнь! Я это ощущаю до сих пор. И мы с тобой не остановили ни одно такое мгновение и даже не сказали, чтобы оно продлилось. Все эти прекрасные мгновения пронесли мимо нас, не затронув наших чувств. Ты только посмотри на этих молодых людей. Как они держатся за руки! Они счастливы, их души слились воедино. Я смотрю на них и мне становится немножко грустно. Как будто душе моей не хватает чего-то до сих пор.

Валентина Петровна перестала говорить и повернула голову к мужу. Она смотрела на него с вопрошающим вниманием, и в ее глазах, обведенных ювелирной сеточкой морщинок, горело необычайно волнующее ожидание чего-то яркого, необыденного. В них молчаливо, но упорно светилась неукротимая надежда на то, что все получится именно так, как ей хотелось бы. И Василий Ильич, уловив это выражение, этот крик души супруги, подумал о том, что еще никогда не замечал такого вопрошающего взгляда ее глаз. Он, наконец, прозрел и втайне обругал себя самыми скверными, площадными словами за то, что из-за всех этих конкурентов, многочисленных завистников, покушающихся на его бизнес, ни разу не взял свою жену за руку, как этот молодой человек. Да и не было времени выходить с ней в городской парк: все свободное время съедал этот проклятый бизнес. Он вытащил руку из кармана брюк, опустил ее вниз и почувствовал руку жены.

– Ой! – испуганно вздрогнула Валентина Петровна, всплеснула руками и прижав их к груди, с испугом смотрела на мужа.

– Что с тобой, Валя? – встревожился Василий Петрович. – Я же тебя хотел за руку взять, чтобы хоть немного наверстать упущенное.

– А я подумала, что меня какая-то собака лизнула языком, – тяжело дышала супруга, схватившись рукой за сердце, – Так все это неожиданно произошло.

Василий Петрович, не теряя ни секунды, взял ее за руку, крепко сжал ладонь. Валентина Петровна, почувствовав тепло руки мужа, сразу успокоилась и вернулась к прежнему состоянию. Она даже тихо посмеялась над собой и с благодарностью посмотрела на мужа. И поняла, что он решил наверстать упущенное, хотя наверстать его уже невозможно в полном объеме. Она крепко пожала его ладонь и погладила ее, как сделала девушка, идущая с парнем впереди них.

– Ты довольна? – спросил Василий Ильич.

– Вася, ты, конечно, запоздал, но что поделаешь. Лучше поздно, чем никогда. Я так хотела, чтобы ты меня хоть сейчас взял за руку. И наконец моя давняя мечта осуществилась, – радостно улыбалась Валентина Петровна. – Я очень тревожилась, что ты и сейчас не догадаешься взять меня за руку.

– Валя, ты ошиблась, – тоже радовался муж.

– Слава Богу, что ошиблась, – довольном тоном сказала Валентина Петровна и пожала руку мужа. И ей показалось, что она на машине времени перенеслась в прошлое.

Василий Петрович ответил жене такой же лаской. Он перестал скучать и даже стал засматриваться на переплетенные руки молодых людей, которые шли впереди и, похоже, никуда не торопились. Он чувствовал себя молодым и влюбленным человеком.

Проверено военной цензурой

Людмила Петровна села за стол, пододвинула к себе стопку тетрадей и обвела разряженных после большой перемены девочек и мальчиков своим зорким учительским взглядом. Непоседливые второклассники, любопытно округлив глазки и наострив ушки, умиленно смотрели на добрую и строгую учительницу и нетерпеливо ждали, когда она начнет говорить. Завораживающая тишина ожидания чего-то необыкновенно интересного переполняла классную комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.